

Бывает, Романовы! IV

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Анна Литаврина

Анна Литаврина
Виват, Романовы! Часть IV

«Автор»

2023

Литаврина А.

Виват, Романовы! Часть IV / А. Литаврина — «Автор», 2023

Война с Наполеоном окончена, но главные испытания еще впереди. Александру предстоит найти ответы на главные вопросы: кто он? И что всем от него нужно? А также нас ждет обязательное восстание декабристов и разгадка личности таинственного старца Федора Кузьмича. Заключительная часть истории.

© Литаврина А., 2023

© Автор, 2023

Анна Литаврина

Виват, Романовы! Часть IV

Сцена 1

Санкт-Петербург. Особняк Нарышкиных. Раннее утро.
Спальня Нарышкиной. Нарышкина спит. Рядом спит темноволосый мужчина.
Раздаётся стук в дверь.

Мужчина (*в ужасе просыпаясь*). Господи... кто это? Это ваш муж?!

Нарышкина (*сонно*). Какой муж... Дмитрий Иванович так рано не приходит из игорного дома.

Мужчина. Но кто может к вам стучаться в такой час?

Нарышкина (*громко*). Кто там?

Голос Александра. Мария Антоновна, это я.

Мужчина (*в ужасе*). Это император! Это ещё хуже, чем ваш муж!

Подскакивает на кровати. Хватает одежду, вылезает в окно.
Нарышкина встаёт, зевая, открывает дверь.

Нарышкина (*недоумённо*). А вы чего это? В такую рань...

Александр стоит в маске. Протягивает ей цветы.

Александр. Мария Антоновна, выходите за меня замуж.

Нарышкина смотрит на него. Роняет цветы.

Нарышкина (*испуганно*). Вы это... чего? Чего случилось у вас?! Умер кто-то? (*Ахнув.*)
Елизавета Алексеевна?

Александр заходит в комнату. Садится на стул.

Александр. Нет. Она жива, слава богу. Но я с ней разведусь. Вы хотели, помните? Мне помнится, что вы когда-то хотели за меня замуж...

Нарышкина. А как же... Дмитрий Иванович?

Александр. Мария Антоновна, ну на что он вам? Ну серьёзно. Зачем? Он что для вас делает? Только в карты всё проигрывает. Если бы не я, вы бы давно по миру пошли.

Нарышкина (*растерянно*). Это да, но... но это как-то неожиданно... Всё ж нормально было.

Александр. Нет. Не нормально. Всё не то. У меня всё не как у людей. Как-то... не по-христиански.

Нарышкина (*смущённо*). Знаете, я поняла, что быть императрицей – это совсем не моё. Вообще. Ну сами посудите. Ну какая из меня...

Александр. Да там ничего сложного нет. Там ничего делать не надо. Там, если что-то надо, матушка сделает. А вы мне детей родите. Моих.

Нарышкина (*неуверенно*). Ну так да... конечно... а как же...

Александр. Ну не хотите замуж, тогда давайте с вами хотя бы вступим в близость.

Делает к ней шаг. Нарышкина испуганно отступает.

Александр (*грустно*). Нет, вы меня не любите... Меня никто не любит. А я, знаете, не хочу быть теперь один. Мария Антоновна, ну ладно, что вам надо? Деньги, бриллианты? О, вот вы точно хотели дом в Париже.

Нарышкина подходит к нему. Берёт за руку. Усаживает на кровать.

Нарышкина (*ласково*). Да вы чего? Мне ничего не нужно.

Александр. Но, может быть, что-то нужно Дмитрию Ивановичу?

Нарышкина. Знаете, я вам давно хотела сказать, что он... он, в общем, не Дмитрий Иванович, он – Дмитрий Львович.

Александр (*удивлённо*). Неужели? Вот никогда бы не подумал, что Львович. А знаете, Мария Антоновна, я теперь начал замечать то, что ранее не замечал. Вот всё как-то мимо меня было. И сам я мимо всех... и я людей не понимаю, и они меня. Я думал, в Европе меня поймут, и я пойму. Но я ничего не понял.

Нарышкина (*вздыхая*). И я щас ничего не поняла, если честно, из того, что вы сказали. Но это ладно. Мне ничего не нужно. Я с вами за так могу... по старой дружбе.

Александр (*вздыхая*). Мария Антоновна, хорошо, что я ничего не ищу более в других. Я лишь хочу найти самого себя. Возможно, дело не в том, что они все не те... Возможно, я сам не тот, кем меня считают.

Нарышкина. Слушайте, но если вы поговорить хотите на такие темы, то, может, вам лучше к Елизавете Алексеевне сходить, а?

Александр. Нет, я всё же хочу дать вам шанс. За выслугу лет.

Нарышкина садится к нему на колени. Целует через маску.

Александр. Хм... а вы ничего снять с меня не хотите? Может быть... мне надо что-то снять?

Нарышкина (*недоумённо*). Ну да, конечно, надо. Штаны надо снять... Так вы хотите, чтобы я сняла, или сами сможете?

===== СЕЗОН 4 Сцены 2–3 =====

Сцена 2

Михайловский замок.

Тайная комната Михайловского замка. Александр стучит в дверь. Дверь открывается.

Александр (*смотрит на открывшего*). Э... а вы кто?

Открывший (*радостно*). Что, не узнал? Это же я!

Александр (*в шоке*). Отец, это вы?!

Павел. Я отпустил бороду! Невероятно, совсем другое лицо!

Проходят в комнату. В комнате бегают собачки.

Павел (*радуется*). И почему мне это раньше не приходило в голову? Надо было давным-давно отпустить бороду! Я хотел в юности, но твоя бабушка не разрешила. Сказала, что я буду похож на подзаборную пьянь. Наконец-то я сделал то, о чём мечтал.

Смотрит на Александра.

Павел. А тебе вообще не идут бакенбарды. Сбрей их или отпусти нормальную бороду. Ну или, в крайнем случае, усы.

Александр. Нет уж... Чтобы у меня на лице растительности осталось больше, чем на голове?

Перекрутка.

Александр и Павел сидят на полу и играют с собачками.

Александр. Я вернулся в Россию и обнаружил, что тут всё не так, как было, когда я уезжал. А самое главное: за время моего отсутствия я потерял любовь народа. Возможно, кто-то пустил очередной грязный слух обо мне. О том, что я переехал жить в Европу, потому что тут ничего не получается... Но есть и хорошие новости! Меня наконец-то приняли в масоны!

Павел. Неужели?

Александр. Да! В Европе я познакомился с одной женщиной... необычайно интересной. Её зовут баронесса Крюденер. Она вообще много чем занимается, но одно из направлений её религиозной деятельности посвящено как раз сообществу Христа. Точнее, его последним дням. Она там и предсказывает всё, что было и что будет. В случае нашей семьи это очень полезный навык. Главная цель – это восстановление истинного учения Христа и реорганизация церкви. С этой же целью я выступил инициатором создания Священного союза в Европе. Я очень нагрешил там с Наполеоном и теперь хочу искупить свои грехи.

Павел. Я что-то не пойму... Ты сказал, что тебя посвятили в масоны.

Александр. Ну да. Я вам только что и рассказал о своём вступлении туда.

Павел. В масоны?

Александр. Ага.

Павел. То, что ты описал – это не масоны. Это мормоны.

Александр. А это разве не одно и то же?

Павел (*рука-лицо*). Нет, тебя вообще как одного на улицу выпускают?! Тебе лишь бы куда-то вступить! Что такое с тобой?

Александр (*задумчиво*). Не знаю... Может быть, мне не хватает душевной близости с кем-то?

Павел. И поэтому ты путаешься бог знает с кем?

Александр. Знаете, я всегда поражался вот чему! Вот вас мало кто любил на моей памяти. Я бы сказал, что там по пальцам можно перечесть. Но те, кто любили... они любили вас так, как я мог бы только мечтать. Если бы хоть кто-то любил меня так, как вас матушка, или Екатерина Ивановна... или Куракин.

Павел (*недоумённо*). Не понимаю. Я всегда считал, что ты пользуешься большей любовью у людей, чем я. Причём у всех.

Александр. Не совсем так. Я всем нравлюсь. Это другое. Это не любовь. Любовь – это душевная близость. А со мной все стремятся вступить разве что в физическую. Это приятно, конечно, но это не то. Этого мало.

Павел. Не знаю, что тебе сказать. Я никогда не знал, как завоёвывать любовь. Но я рискну предположить, что для того, чтобы вызывать любовь, надо самому кого-то любить. Кого ты любишь?

Александр. Ну, я любил бабушку, матушку, вас... Иногда... Костю, сестёр, братьев...
(*Оживлённо.*) Вот кроликов ещё очень полюбил.

Павел. Это не то. Это твоя семья. Любишь ли ты кого-то за её пределами?

Александр молчит.

Павел. Тебе нужны дети. Тебе уже пора. У меня в твоём возрасте уже восемь было.

Александр. Хочу вам признаться. С одной стороны, я очень хочу детей... с другой – я боюсь.

Павел (*удивлённо*). Детей? Да ты что, они такие милые и совсем не опасные!

Александр. Нет. Боюсь, что они вырастут, перестанут быть детьми и решат меня свергнуть.

Перекрутка.

Павел и Александр пьют чай с сухариками.

Павел (*вычёркивая собачку*). Ну и как тебе жизнь в Европе?

Александр. У них, конечно, много чего можно почерпнуть полезного. Но мне почему-то кажется, что мало что из этого подходит для России.

Павел. Полностью согласен.

Перекрутка.

Александр и Павел сидят за столом. На столе разложены бумаги. Пишут.

Александр. Но вообще я недоволен тем, как себя ведут со мной... Вообразите, каждый считает едва ли не своей обязанностью высказать мне своё несогласие со мной! Даже кучер Елизаветы Алексеевны! А Николай Иванович Карамзин, прислав мне заметки по готовящимся к печати восьми томам Государства Российского, сделал приписку о том, что мне надобно наладить отношения с Елизаветой Алексеевной! Такого же мнения придерживается и её кучер.
(*Возмущённо.*) Посоветуйте, вот что мне с ними делать?

Павел. Высечь их всех и отправить в Сибирь пешком. Ну или можно не сечь. И не в Сибирь. Можно лишить всех званий и наград и сослать в деревню. Кроме кучера.

Александр. Как тогда наказать кучера?

Павел. Ну, не знаю. Что-то для него непосильное и непривычное надо придумать.

Александр (*задумчиво*). В графья мне его, что ли, произвести? А потом разжаловать... Это, по-вашему, справедливо и правильно?

Павел. Ты спросил, как бы я сделал, а не как правильно. Откуда мне знать, как правильно? Я не император. Ты император, тебе виднее. Ты можешь делать, как считаешь правильным ты. (*Недовольно.*) Не отвлекайся! Пиши дальше!

Пишут.

Перекрутка.

Павел дремлет в кресле, укрывшись пледом. На коленях спит собачка. Александр ходит по комнате.

Александр. А ещё Николай и Миша интересуются... О вас спрашивают. А я не знаю, что отвечать. Сказать по правде, у меня и у самого к вам много вопросов.

Павел (*открывая один глаз*). Ну, задавай свои вопросы.

Александр. Что у вас с матушкой произошло? Из-за чего вы поссорились?

Павел. Давай следующий вопрос.

Александр. Что у вас с бабушкой происходило? Из-за чего вы всё время ссорились?

Павел. Слушай, а нормальные, дельные вопросы у тебя есть?

Александр. Хорошо. Мне братьям что рассказывать? Им неинтересны ваши заметки о лжи и недописанные романы.

Павел. Говори о хорошем. Чтобы у них был положительный пример. Тем более что они меня плохо помнят.

Александр. У вас было хорошее?!

Павел. Было. Правда, я тогда не знал, что это хорошее... Я всё время думал, что всё лучшее впереди. Что ещё надо немного потерпеть. Думал, думал, а потом...

Александр. А потом что?

Павел. Так всё! Кончилось всё!

Сцена 3

Санкт-Петербург, 1776 год. Венчание Марьфёдорны и Павла.

Марьфёдорна и Павел стоят перед алтарём. За ними стоят Екатерина и Потёмкин, дамы и господа. Священник произносит молитвы. Павел и Марьфёдорна опускаются на колени. Целуют крест, произносят клятвы.

Марьфёдорна (*со слезами на глазах*). Клянусь любить и обожать вас всю жизнь! Ничто в мире не заставит меня измениться по отношению к вам!

Павел (*со слезами на глазах*). И я клянусь, что с каждым днём всё более люблю вас! Да благословит Бог наш союз так же, как он создал его!

Священник (*со слезами на глазах*). Будьте счастливы навечно! Аминь!

Все (*со слезами на глазах*). Ах, как трогательно! Это любовь! Это судьба!

Екатерина (*со слезами на глазах*). Ну почему у меня не может быть так же?

Потёмкин (*вздыхая*). Жертвуешь собой во имя его счастья...

Екатерина (*недовольно*). Вот именно! Пусть только попробует не быть с ней счастливым... и ещё чего-то хотеть.

Перекрутка.

Царское село. 1777 год. Лето. Роды Марьфёдорны.

Павел и его духовник молятся в гостинной.

Павел. Господи! Неужели я стану отцом? Какое счастье! Неужели со мной снова произошло что-то хорошее?

Духовник. Отчего же не произойти, Ваше Высочество... Господь справедлив!

Павел. Нет, два хороших события подряд – это не про меня! Сначала я женился на роскошной женщине, которая ответила взаимностью на мои чувства, у нас уже почти родился ребёнок и...

Вопль из глубин дворца. Мальчик!!!

Павел (*ошарашенно*). Ещё и мальчик! У меня сын! Ну это уж слишком... я же не привык быть таким счастливым!

Бежит в покои Марьфёдорны.

Перекрутка.

Покои Марьфёдорны.

Марьфёдорна после родов лежит на постели. Вокруг неё суетятся врачи и акушерки. Павел со слезами бросается на колени перед кроватью.

Павел. Ах, вы ещё и живы! Вы не умерли! Все живы! И вы, и наш сын! Какая великая удача! (*Оглядывается.*) А где он? Где ребёнок-то?

Перекрутка.

Соседняя комната. Екатерина стоит с младенцем в пелёнках. Входит Павел.

Екатерина (*со слезами*). Господь сжалился надо мной! Мальчик! Мой мальчик!

Павел. Матушка, это мой!

Подходит к Екатерине. Протягивает руки. Екатерина показывает ему младенца.

Павел (*в восторге*). Дайте посмотреть!

Екатерина забирает младенца.

Екатерина. Ну-ну, всё... хватит... хватит. Сломаешь.

Отходит к окну. Смотрит на младенца. Подходит Потёмкин. Смотрит. Подходит Павел. Ничего не видит за Потёмкиным.

Екатерина (*в умилении*). Ах! Он улыбается! Он умеет улыбаться... Я назову его Александром! Он будет либо как Невский, либо как Македонский. У него будет выбор.

Младенец (*улыбаясь*). Здравствуйтесь! Рад вас видеть, господи.

Перекрутка.

Покои Марьфёдорны.

Павел и Марьфёдорна сидят на кровати. Рядом стоит пустая детская кроватка.

Павел. Я понимал, что не может всё быть настолько хорошо... понимаете? Я это предвидел. Я это всё знал. Два счастливых события подряд – это чересчур. Это не для меня. (*Закрывает лицо руками.*) Это я виноват. Вам это несчастье от меня передалось. Оно теперь к вам приклеилось.

Марьфёдорна (*утирая слёзы*). Ах, не говорите так! Всё будет хорошо! Вот увидите! Я обещаю! Я рожу вам ещё ребёнка! Очень скоро!

Перекрутка.

1778 год. Царское село.

Роды Марьфёдорны. Павел и его духовник молятся в гостиной.

Павел. Господи! Только бы девочка... только бы девочка...

Недовольный вопль младенца в глубине дворца. Секунду спустя...

Радостный вопль. Снова мальчик!

Павел (*духовнику*). Справедлив Господь, говорите?

Перекрутка.

Покои Марьфёдорны.

Марьфёдорна после родов лежит на постели. Вокруг неё суетятся врачи и акушерки.

Павел (*целуя жену в лоб*). Очень рад, что вы живы!

Екатерина заходит с младенцем на руках.

Екатерина. Этого назову Константином. Запасной будет. (*Даёт его Павлу.*) Этот на тебя похож, кстати. Подержи... хм... Мне надо переодеться.

Павел берёт младенца. Заглядывает в пеленки. Младенец видит его. Улыбается.

Павел (*улыбается*). Молодец, Константин!

Перекрутка.

Царское село.

Обеденный перерыв во время бала.

Все сидят за столом. Екатерина сидит в центре. Справа – Потёмкин. Слева сидит Павел. Рядом с Павлом сидит Марьфёдорна. Вокруг сидят дамы и господа.

Павел (*с нежностью*). Друг мой, я уже говорил вам сегодня, как я люблю вас?

Марьфёдорна. Ах, мой друг, вы не говорили, вы писали! Сегодня утром... Когда я получила от вас цветы с запиской...

Екатерина (*мрачно Потёмкину*). А ты?

Потёмкин. А что я?

Екатерина. А ты мне когда последний раз говорил, что ты меня любишь, а?

Потемкин. Ну так э-э... матушка...

Екатерина (*гневно*). Какая я тебе матушка!? Я даже ему себя так называть не позволяю!

Дамы (*недовольно*). А вы, господа? А вы когда дарили последний раз цветы?

Господа. Э-э-э-э-э...

Екатерина смотрит на Павла и Марьфёдорну. Те сидят, повернувшись друг к другу. Марьфёдорна кормит Павла пирогом со своей тарелки.

Екатерина. Надо отправить их куда-то отсюда с глаз долой! Невозможно ж смотреть на их счастье без слёз...

Перекрутка.

Тайная комната Михайловского замка. Александр и Павел.
Павел задумчиво стоит у окна.

Александр. Я не понял... что хорошего в вашей истории? Там опять какая-то одна сплошная печаль.

Павел. Нет. Во-первых, никто не умер при родах. Во-вторых, у нас с твоей матерью всё было хорошо тогда и нам все завидовали. А мне обычно никто не завидовал. Только сочувствовали.

Подходит к столу, собирает бумаги. Убирает их в шкаф.

Павел. Ладно... потом допишем. Надоело сидеть. Схожу погуляю на крышу.

Провожает Александра до двери.

Павел. А вот насчёт Елизаветы Алексеевны... Помиришься с ней. Карамзин прав. Никогда не знаешь, когда всё может взять и закончиться. Тем более что у тебя есть предрасположенность.

Александр. К чему?

Павел. Ну... твоего деда убили, меня хотели убить. Сам понимаешь. Семейное.

Александр (*вздыхая*). Не всё так просто... Понимаете, когда я с ней, я всё время думаю про то, что она мне изменила аж целых два раза! Да ещё и родила от китайца. Я знаю, что это глупо, что прошло много времени. Но ничего не могу поделать. Я думал, она – ходячий идеал, а она...

Павел. А что она? Я же вот простил твою мать за измену.

Александр (*поражённо*). Что-что? Матушка вам изменила?!

Павел. В общем, ты приходи там потом ещё как-нибудь.

Выпихивает его к двери.

Александр. Постойте! Расскажите! Объясните!

Павел (*недовольно*). Всё... Проваливай отсюда! Давай, иди-иди!

Выпихивает его из комнаты.

===== СЕЗОН 4 Сцены 4–5–6 =====

Сцена 4

Год спустя.

Зимний дворец.

Поздний вечер. Большая гостиная. Александр и Константин сидят в креслах. Александр задумчиво смотрит в окно. За окном темно и ничего не видно.

Константин. О чём задумался?

Александр. Обо всём. Всё не так, как должно быть.

Константин. А как должно быть?

Александр. Хорошо. Чтобы было всем хорошо. Хотя я был согласен даже на вариант, чтобы мне было плохо, а другим хорошо. Но так тоже не получается. Всем всё равно плохо в итоге.

Константин. Да нормально всё! Чего ты...

Александр (*грустно*). Завтра уезжает в Европу моя Сонечка...

Константин. Зачем? Ты решил отправить её учиться? Что-то рановато.

Александр. Нет. Она уезжает с Марией Антоновной.

Константин. Мария Антоновна уезжает?

Александр. Да.

Константин. Почему? С чего это? (*Недоумённо*.) Вы ж с ней теперь вместе вроде как. Я думал, она, наоборот, сидит и ждёт, когда ты овдоеешь.

Александр. Во-первых, она отказалась выходить за меня замуж. Во-вторых, я сам её прогнал.

Константин. Ты прогнал Марию Антоновну? Почему?

Александр. Она читала.

Константин. Мда... несвойственное ей занятие, конечно, но всё-таки разъясни. Вы не сошлись в литературных вкусах?

Александр. Да нет...

Перекрутка.

Покои Александра.

Ночь. Нарышкина лежит в постели с книгой.

Нарышкина (*перелистывая страницу*). Ого... ничего себе! Вот это да...

Александр вылезает из-под одеяла. Смотрит на Нарышкину.

Александр (*осуждающе*). Мария Антоновна... ну вы бы хоть читать перестали!

Нарышкина. Ой, извините... я вам мешаю?

Александр. Да. Ваши комментарии меня смущают. Я не пойму, относятся ли они к тому, что происходит здесь... или (*Показывает на книгу*.) там.

Нарышкина. Ой, ну простите... я больше не буду.

Убирает книгу под подушку.

Александр. Мария Антоновна, а что происходит? В прошлый раз вы вообще заснули!

Нарышкина. Я очень устала за день! И потом, ведь я же проснулась... в самом конце. Как раз, когда всё самое интересное...

Александр встаёт, начинает одеваться.

Нарышкина. Ну вы обиделись, чо ли? Ну вы чего... делов-то... на копейку!

Александр (*тяжело вздыхая*). Мария Антоновна, скажите правду. Я вам совсем не нравлюсь..?

Нарышкина. Нравитесь. Но... но не так... в смысле, что не в этом... а в другом! Ну поймите, ведь я вас столько лет считала своей лучшей подругой! А оно вон как у вас всё изменилось... я никак не привыкну, что вы мужчиной зачем-то решили стать. Это вообще не ваше.

Александр. Это почему?

Нарышкина. Ну... если вы уж решили быть как бы мужчиной, то вам другая женщина нужна для этих самых дел... более... Прохладная, что ли. Такая, как вы!

Александр. Так-так... продолжайте! Как я?

Нарышкина (*уверенно*). Ежели вы действительно женщиной были, то вы как женщина в постели были б бревно! Точно вам говорю. В вас никакой страсти нет. Вы уж извините... я вам честно, открыто говорю. Как друг. Вот это вот всё вообще не ваше... Вы не расстраивайтесь только. Каждому своё. У вас там чего-то другое хорошо получается... наверняка.

Александр (*возмущённо*). То есть это я плохой любовник?! Когда вы тут лежите и читаете..? И ничего не делаете вообще?!

Нарышкина. Чтобы не заснуть!

Александр (*обиженно*). А вот моя жена совсем другого была мнения... за те два раза, что у нас были.

Нарышкина. Ой, Елизавета Алексеевна мужчину раз в десять лет видит... на безрыбье, как говорится... да вы не расстраивайтесь только! (*С подозрением.*) А то мне чот кажется, что вы расстроились... ну вы чего? Вы расстроились?

Александр. Мария Антоновна, уходите немедленно отсюда.

Нарышкина вздыхает. Встаёт. Надевает платье. Идёт к двери.

Нарышкина. Ну не обижайтесь только... ну давайте завтра с вами сходим куда-нибудь погулять?

Александр (*сухо*). Вы не поняли. Уходите на-сов-сем. Я не хочу вас видеть более рядом.

Нарышкина. Понятно. Обиделись, значит, всё-таки... Ну ладно.

Уходит.

Александр (*вдогонку*). И мужа вашего заберите!

Перекрутка.

Зимний дворец. Гостиная. Вечер.

Константин (*изумлённо*). Ну дела... Слушай, ну только ты это... ты не вздумай слушать её бред! Она сама-то вон... пробы ставить негде! Да ну её в баню! Вконец зажралась...

Александр. Ну я решил, что если не смог удовлетворить её физических потребностей, то, по крайней мере, я приобщил к чтению.

Константин. Да. Сделал невозможное.

Александр (*задумчиво*). Так странно... Мы так давно с ней знакомы... и я как-то не ожидал, что оно вот так с ней выйдет. Я как раз наоборот думал, что оно с ней пойдёт.

Константин. Понимаю. Её все так нахваливали... Мария Антоновна, мол, такая-растакая! Избаловали её мужики, вот что!

Александр. Но в одном она права. Видимо, это действительно не моё. Надо смириться. Буду жить в воздержании. Чтобы больше никого не разочаровывать.

Константин. Погоди. Я тут отлучусь ненадолго... скоро приду.

Встаёт. Уходит.

Перекрутка.

Гостиная.

Ночь. Александр дремлет в кресле. Кто-то трясёт его за плечо. В гостиной стоит Константин. Рядом с Александром стоит молодой человек.

Константин (*сбивчиво*). Так... в общем, это... Я ничего не хочу говорить сейчас. Я просто оставлю это здесь... и уйду. И мы не будем это обсуждать.

Александр. Это кто?

Константин. Офицер Насенков. Из моего полка.

Александр смотрит на молодого человека. Тот смотрит на Александра. Краснеет. Опускает глаза.

Константин. Короче. Он из этих... ну, в общем... Из резерва. С трудом нашёл. Он не хотел сознаваться, но я пригрозил ему отрезать ухо, и он сознался, что он из тех...

Александр (*с улыбкой*). Так из тех или из этих?

Константин (*недовольно*). Из ваших, короче. Не бойся. Он не расскажет. (*Грозно молодому человеку*.) Ты ведь не расскажешь?

Офицер (*испуганно*). Ни в коем случае!

Константин. Вот. Он не расскажет. Я сейчас уйду и его оставлю. А потом часа через два приду и его заберу. И потом лично буду к тебе доставлять. Под контролем своим.

Александр встаёт. Подходит к молодому человеку. Смотрит ему в глаза.

Александр. Как вас зовут?

Офицер (*тихо*). Алексей.

Александр. Вот что, Алексей... Алёша, иди домой.

Берёт Константина за локоть. Отводит в сторону.

Константин. Слушай, ну ты чего! Я, знаешь, с каким трудом его уговорил?

Александр. Поверь, я оценил то, что ты сейчас сделал. Правда. Я этого не забуду. Но я прошу тебя: уведи его. И дай ему там денег... в общем. Ничего не будет.

Константин. Не понравился тебе? (*Смотрит на офицера*.) Вроде он ничего... но я-то в этом ничего не понимаю.

Александр. Он прекрасен. Но с этим покончено навсегда. Такую же ошибку, как с Наполеоном, я не допущу никогда. Я с ним и так... нагрешил по всем направлениям. Дальше некуда.

Константин. Ну, об этом не беспокойся. Если что, я тебя в аду прикрою. Договорюсь. Чертяки меня там давно ждут.

Перекрутка.

Глубокая ночь. Александр и Константин сидят в гостиной. На столе стоит пустая бутылка коньяка.

Константин. Ну смотри... если что, я его потом тебе искать опять не пойду. Если тебе приспичит.

Александр. Не приспичит. Откровенно говоря, мне вот всё ЭТО... в принципе, вообще никогда не было нужно.

Константин изумлённо смотрит на него.

Александр. Нет, не то чтобы я имею что-то против, но... Если уж по-честному, там же удовольствия минут на пять-десять! И что, вот ради этого вот столько шума? Есть столько прекрасных вещей, которые объединяют людей и через которые можно выразить любовь... Дружба там, цветы, книги!

Константин (*медленно*). Нет, ну я подозревал, что у тебя с этим... Странно как-то. Но я подумал: ну мало ли чо... Всякое бывает.

Александр. Мадмуазель Жорж знала, как называются такие, как я. Но она уехала. А я забыл.

Константин. То есть тебе это... не нравится или... (*Осторожно.*) Может, не получается? Может, тебе к врачу надо сходить или... У меня есть тут один сбор.

Александр (*испуганно*). Не надо мне твоих сборов! Я после того курса очищения от венерических болезней два дня не выходил из дворца... и из туалета. Не в этом дело. Не то что не нравится или не получается. Просто нет потребности. Раз в неделю... а ещё лучше – раз в месяц! А ещё лучше – раз в полгода! Просто во... (*Показывает на подбородок.*) с головой! Мне не надо больше.

Константин. Так и чего ж ты маялся там, в Вене, я не пойму? И вообще... голову всем морочил?

Александр (*пожимает плечами*). Да ты знаешь, как-то неудобно всегда было. От меня этого всегда ждали... бабушка там... потом ещё там разные... А мне как-то стыдно признаться было, что... не хочется. Нет, ну не то чтобы мне СОВСЕМ никогда не хотелось... Пару раз, я точно помню, хотелось. Даже не пару раз. Три раза, если точно. Но это какие-то особенные моменты были в жизни, знаешь...

Константин. Так, а с Наполеоном это что было...?!

Александр. С Наполеоном это было потому, что он... (*Тяжело вздыхает.*) Ну он очень настаивал. Ну а мне ж не жалко! Я не против. Должно же быть какое-то разнообразие в жизни. Выбор, так сказать... (*Недовольно.*) Вот Мария Антоновна выбрала чтение. С одной стороны обидно, конечно, но в общем... Ну и ладно. Пусть я бревно. В конце концов, я ещё и столяр.

Константин (*задумчиво*). А вот даже не знаю, сочувствовать тебе или завидовать...

Александр. Я и сам не знаю. Может, это всё и неправильно. Но я такой.

Константин. Ну чего... И хорошо!

Александр. Ну и всё..!

Встают. Расходятся.

Сцена 5

Санкт-Петербург.

Дорога до Министерства. Александр выходит из кареты. На лужайке перед Министерством стоят группы людей. У некоторых в руках цветы.

Александр (*взволнованно*). Не может быть... Может быть, всё-таки ещё не всё потеряно..?

Подзывает гвардейца.

Александр. Что это здесь за сборище? Эти люди ждут меня?

Гвардеец. Никак нет, Ваше Величество! Сегодня здесь расположился круг почитателей Елизаветы Алексеевны!

Александр (*недоумённо*). Императрицы? Что это ещё за круг? Никаких кругов! Все круги закрыть! (*Недовольно*.) Небось Карамзин их подбил.

Идёт ко входу в Министерство. К Александру подбегает почтальон из посольства. Кла- няется.

Почтальон из посольства. Ваше Величество, разрешите посылку передать?

Александр. Что за посылка?

Почтальон. Из Вены. От господина Бетховена!

Александр (*удивлённо*). От композитора? Как интересно! Что это?

Почтальон. Это фортепианная пьеса-багатель!

Протягивает ему завёрнутый в бумагу пакет. На пакете записка: «От Бетховена к Элизе».

Александр (*возмущённо*). Это... Это моей жене, что ли?

Почтальон. Ну да.

Александр. Ну и неси ей! Мне зачем? Я это играть, что ли, ей должен?

Заходит в здание министерства. Его провожают осуждающие взгляды.

Голос в толпе. А ещё он берёзу выдрал! Тиран!

Перекрутка.

Самый Большой Зал заседаний.

В зале заседают министры всех внешних и внутренних дел, дворяне, генералы. В самом углу спряталось студенчество.

Трибуна. Позади трибуны стоят стулья. На стульях сидят Константин, Марьфёдорна, Сперанский. Заходит и робко присаживается на краешек стула Николай.

Заходит Александр. Смотрит на всех

Александр (*про себя*). И даже не думают вставать!

Встаёт за трибуну.

Александр. Господа... Я, конечно, рад вас видеть, но не так, как раньше. Подозреваю, что и вы испытываете похожие чувства. Долг и совесть велят мне объясниться. (*Пауза.*)

Я слышу упрёки за спиной,
Я вижу скошенные взгляды.
Я чувствую сердцем и душой,
Что больше видеть вы меня не рады...

Константин (*тихо Марьфёдорне*). О, плохо дело... Он заговорил стихами. Когда он говорит стихами, значит, он в сильнейших переживаниях.

Александр. Последний год я размышлял о многом. И вот что понял. Я обещал дать России свободу, равенство возможностей, счастье и благополучие. Но невозможно дать, господа, другому то, чего не знаешь и не имеешь сам. Я не могу дать вам свободы, потому что не знаю, что это такое. Я никогда не был свободен. Ни в чём. Я пытался с вашей помощью разработать всесторонний курс политического развития, но вы ушли от ответов на мои вопросы. На пути изменений каждый должен начинать с себя. Мы не изменим страну, пока не изменимся сами. Чтобы измениться, нам необходимо познать самое себя. И, как ваш государь, я собираюсь подать вам в этом достойный пример. Я отправляюсь на поиски. Себя. Своего пути. Я сообщу вам, когда что-то найду. Если найду...

Сходит с трибуны. Идёт мимо рядов. Останавливается напротив молодого человека. Смотрит на него.

Александр (*дружелюбно*). А, Апокалипсис, и ты здесь? Прошёл всё-таки... ну-ну... Сиди. Так и быть.

Уходит. В зале стоит мёртвая тишина.

Перекрутка.

Зимний дворец.

Марьфёдорна, Константин, Сперанский бегут за Александром по Зимнему дворцу. На шум выглядывает Елизавета Алексеевна.

Константин. Саша, что за речь? Ты всех растревожил!

Марьфёдорна. А главное, взял и ушёл! А нам потом пришлось собрание заканчивать и объясняться... Что за манера у тебя такая! Бросать всё посередине и уходить!

Сперанский. Александр Павлович! Пойдите! Ваша речь, она... она произвела сильное впечатление, и в ней, безусловно, есть смысл, но...

Александр (*возмущённо*). Опять «но»! Михаил Михайлович... Ничему вас жизнь не учит! Я вам дал второй шанс, а вы опять со мной спорите!

Сперанский. Я с вами согласен! Со всем, что вы сказали! Но не стоило об этом говорить... там. То есть о ваших душевных исканиях и поиске себя. Как людям это понимать? Они ждут, что вы дадите им хорошую жизнь.

Александр (*в отчаянии*). Я не знаю, что для них – хорошая жизнь! Я даже не знаю, что такое хорошая жизнь для меня! Мне бы с собой разобраться... со своей жизнью! У меня проблемы!

Сперанский (*успокаивающе*). Право, ну не принимайте близко к сердцу слова Марии Антоновны..!

Александр (*возмущённо Сперанскому*). Так! Вот что я вам скажу. Я правлю Россией не первый год! Я был много где. И единственный однозначный вывод, к которому я пришёл...

Все. Какой?

Александр (*в ажиотаже*). Что все люди – мерзавцы и негодяи! Да! Да и я в том числе!

Захлопывает дверь. Все переглядываются.

Марьфёдорна (*спокойно*). Ну что же, пусть Саша ищет, что ему надо... главное, что, по крайней мере, я теперь знаю, что искать надобно мне...

Елизавета Алексеевна. Что, Марьфёдорна?

Марьфёдорна. Порошки, которые не принимал Павел Петрович. Надобно заранее начать Саше их давать.

Уходит. Елизавета Алексеевна испуганно смотрит на Константина.

Елизавета Алексеевна. О чём она? На что этот намёк?

Константин. На то, что мне, пожалуй, стоит временно переехать к вам сюда, во дворец. Чтобы в случае, ежели он бросаться на людей с палкой начнёт, было кому его сдерживать. Ибо матушка отца ещё могла бы как-то скрутить в случае чего, а вы против Саши как бабочка против... не знаю... лошади!

Уходит. Елизавета Алексеевна смотрит на Сперанского.

Сперанский. А я тоже пойду... от греха подальше. А вы мужайтесь. Мужайтесь! Я с вами... мысленно.

Уходит. Елизавета Алексеевна смотрит на закрытую дверь. Неуверенно стучит. Дверь открывается.

Александр (*недовольно*). А вам чего понадобилось? Может, развод дать?

Елизавета Алексеевна. Нет, я просто так к вам пришла. Почему бы и не прийти?

Александр. Нет, вы ко мне приходите только, чтобы сообщить, что я делаю что-то не так!

Смотрят друг на друга.

Александр (*помолчав*). Ну вы хоть не убежали, как они. Не испугались?

Елизавета Алексеевна. Вас? Нет. Вы ничего плохого не сделаете. Я же вас знаю.

Александр (*вздыхая*). Ну что же... а я вот себя не знаю. Надо ещё разобраться.

Закрывает дверь. Через секунду снова открывает. Протягивает ей свёрток.

Александр. Это вам. От Бетховена.

Сцена 6

Зимний дворец. Покои Елизаветы Алексеевны.

Елизавета Алексеевна пишет письмо матери.

Текст письма:

«Дорогая матушка, меня очень тревожит состояние моего мужа. Я полагала, что после Вены наши отношения начали налаживаться, но он, как в Россию вернулся, так впал в тоску.

Для меня это состояние привычное, но императору оно совсем не к лицу. Теперь все грустят вместе с ним. Но самое странное, что чем более странно он себя ведёт, тем сильнее

меня к нему тянет. Он теперь совсем не такой, как раньше. Он весь такой загадочный и неприступный... и я не знаю, как к нему самой подступиться. Одним словом, я, как обычно, самая несчастная тут в России.

Но как ни странно, есть и хорошие новости. Он наконец-то прогнал эту наглуую швабру Марию Антоновну, чтоб ей пусто было!»

Зачёркивает: «наглуую швабру». Улыбается.

Прерывается из-за шума. Выходит в коридор. Идёт по коридору. Заходит в гостиную. В гостиной ругаются Мария Антоновна и Александр. В углу на стуле скромно сидит Нарышкин. Стоят чемоданы. Посередине, на стульчике, с книжкой в руках, сидит белокурая девочка.

Александр. Нет-нет! Я передумал! Я её не отпущу! У вас есть ещё дети, а она – всё, что у меня осталось!

Нарышкина (*закатив глаза*). Боже! Но это не ваша дочь!

Александр (*упрямо*). Ну и что? И не его. (*Показывает на Нарышкина.*) Пусть тогда она сама выбирает, кто из нас двоих будет её отцом!

Нарышкин. Правильно. Сонечка, с кем ты хочешь остаться?

Девочка откладывает книгу. Поднимает на всех большие голубые глаза. Слезает со стульчика, подходит к Александру и обнимает.

Нарышкин (*радостно*). Прекрасный выбор!

Нарышкина подходит к Александру.

Нарышкина. Слушайте... Зачем это вам? Девочка не от мира сего... она больна. Я боюсь, как бы она не ушла в мир... другой..!

Александр. Это потому, что вы плохо о ней заботитесь! Вы её не любите! А я люблю!

Обнимает девочку.

Нарышкина. Но я её мать! Вы что же, отберёте ребёнка у матери? Вас отобрали у вашей матери, и вы теперь так же поступите?

Александр молчит. Опускается на одно колено перед девочкой. Гладит по волосам. Целует в лоб.

Александр. Езжайте. Вы отобрали у меня всё. И ещё бревном обозвали. Вот ваша благодарность за моё добро к вам двоим.

Уходит. Проходит мимо Елизаветы Алексеевны. Смотрит на неё.

Александр (*задумчиво*). А знаете... Соня на вас похожа даже больше, чем на меня. Как это могло так произойти, что Мария Антоновна родила нашу с вами дочь?

Елизавета Алексеевна (*грустно*). Надо было тогда вас послушать... и забрать её к себе воспитывать.

Александр. Вот именно. Я как чувствовал! Я предвидел, что у меня отберут мою дочь!
Уходит.

Нарышкина (*беря чемоданы*). Он сходит с ума! Вы в курсе вообще?

Елизавета Алексеевна (*с улыбкой*). Валите отсюда, Мария Антоновна, иначе я вам волосы повыдираю.

Нарышкина берёт чемоданы. Пожимает плечами. Уходит. Следом за ней с остальными чемоданами уходит грустный Нарышкин.

Перекрутка.

Покои Александра.

Александр заходит в свои покои. На столе стоит клетка со скворцом.

Скворец (*видит Александра*). Виват, Романов! Виват, Романов!

Александр грустно смотрит на скворца. Берёт платок и накрывает клетку.

===== СЕЗОН 4 Сцены 7–8–9–10 =====

Сцена 7

Санкт-Петербург. Зброшенны́й особняк на окраине города.

Тайное собрание членов антиправительственной организации «Союз спасения».

Подвал. В подвале горят свечи. В центре подвала, в кругу, сидят молодые люди в мантиях и капюшонах. В центре стоят Павел Пестель и Муравьёв-Апостол.

Пестель. Итак, цель нашего «Союза» проста и благородна. Спасти отечество.

Муравьёв-Апостол. И Елизавету Алексеевну.

Пестель. И для этого необходимо свергнуть императора-узурпатора.

Муравьёв-Апостол. Мужеложца, западника и антихриста.

Пестель (*поучительно*). Насчёт антихриста не доказано. Не стоит обвинять человека во всех грехах.

Голос из круга. У антихриста нет грехов! Он сам есть олицетворение греха.

Муравьёв-Апостол. Неважно. Император должен пасть.

Голос из зала. Как его отец?

Пестель. Ни в коем случае! Не сравнивайте то отвратительное подлое преступление, совершённое трусами и мерзавцами, и наше благородное дело. Император должен быть заключён под стражу, подвергнут суду и лишён всех полномочий.

Голос из круга. А если... суд его оправдает?

Пестель. Всё равно лишён.

Голос из зала. И кто будет вместо него?

Пестель. Это мы решим. Голосованием. В принципе, я не против Романовых. Главное, чтобы была принята Конституция.

Муравьёв-Апостол. Предлагаю сделать императрицей Елизавету Алексеевну. Она умна, благородна, чиста и непорочна.

Все. Хорошая мысль!

Пестель (*с сомнением*). Ну не зна-а-а-аю... Она женщина.

Муравьёв-Апостол. А что ты имеешь против женщин?

Пестель. Против женщин ничего не имею. Я против того, чтобы женщины правили государствами. К тому же, когда мы казним императора, она может расстроиться. Говорят, она любит его. У женщин на первом месте чувства.

Муравьёв-Апостол. Как и всякая совершенная женщина, она преданна своему мужу, даже если он антихрист...

Пестель. Опять ты... не надо называть его Антихристом! Что за мракобесие?

Голос из круга. Если на его стороне тёмные силы зла, дело плохо.

Пестель. Пусть на его стороне силы зла. Зато на нашей стороне сила правды!

Муравьёв-Апостол. Предлагаю переименовать наш союз в... «Союз спасения России и Елизаветы Алексеевны».

Все одобрительно гудят.

Пестель (*на ухо*). Ты равнодушен к ней, что ли?

Муравьёв-Апостол (*шёпотом*). Есть такое. Я бы предпочёл вызвать его на дуэль и убить, но он не придёт, потому что мы неравны. Поэтому придётся идти другим путём.

Пестель. А теперь, братья, возьмёмся за руки!

Встают на колени. Берутся за руки. Поют песни.

Перекрутка.

Члены тайной организации выходят из особняка. Павел Пестель и Муравьёв-Апостол идут рядом. К ним подходит один из членов Общества.

Член общества. Я с вами согласен во всём, кроме одного.

Пестель. Чего же?

Член общества. Императора надо убить. Так надёжнее.

Пестель. Не будем мы никого убивать! Это фу... и не соответствует идеалам и принципам благородного человека.

Член общества (*разочарованно*). Да? Ну ладно. Пойду кому-нибудь другому предложу. Уходит в темноту.

Сцена 8

Санкт-Петербург. Министерство.

Кабинет императора. Сперанский стоит перед кабинетом. Секретарь пишет. Люди бегают туда-сюда.

Сперанский. Я к государю. (*Шёпотом.*) Ну как он?

Секретарь (*шёпотом*). Их Величество ежедневно с новым настроением. То они пребывают в христианнейшем смиреннии, то преисполнены ко всему отвращением. Сегодня, может, чего нового придумают.

Перекрутка.

Александр в чепце, халате и сапогах стоит за столярным станком. Заходит Сперанский. Видит Александра.

Сперанский (*растерянно*). Ваше Величество... Что, э-э... Что вы делаете... на этот раз?
Александр. Деревянный слуховой аппарат.

Перестаёт строгать, вытирает руки, садится в кресло.

Александр. Вы всегда меня застаёте за чем-то своеобразным, вы не находите?

Сперанский. Все обеспокоены вашим... самочувствием. (*Разглядывает его.*) И вашим внешним видом.

Александр. О, ну что вы, не стоит переживать. Знаете, эта одежда намного комфортнее! И строгать в ней удобно. И вообще, я нахожу, что постоянное ношение мундира вредно для здоровья. Сперанский, вы не находите, что мужчины и женщины терпят ужаснейшие неудобства в одежде почти ежедневно! Ради чего, спрашивается?

Сперанский. Вы полагаете, всем стоит ходить на службу в халатах? А проводить совещания где? Может быть, в бане?

Александр. Нет, конечно. Халат – моя привилегия. Хотя опыт венского конгресса говорит мне, что самые важнейшие соглашения заключаются в самых неожиданных местах. Ладно. (*Смотрит на Сперанского.*) Вам чего надо на этот раз?

Перекрутка.

Кабинет императора. Сперанский входит в кабинет. Александр в шароварах и фартуке лепит глиняный горшок.

Сперанский. Я вижу, что вы заняты. Я потом зайду.

Перекрутка.

Министерство. Кабинет Александра. Заходит Сперанский. Александр в широких штанах и рубашке сидит и чинит рыболовную сеть.

Сперанский. Собрались ловить рыбу, Ваше Величество?

Александр (*подняв голову*). Нет, не рыбу.

Сперанский. А кого?

Александр. Медведя. Белого. Хотите со мной?

Сперанский. Я лучше потом зайду...

Перекрутка.

Министерство. Снова кабинет Александра.

Сперанский. Все обеспокоены тем, что вы совсем не занимаетесь государственными делами.

Александр (*кладёт ноги на стол*). Я же предупредил. Я ищу себя. Я занимаюсь собой. Надо всегда начинать с себя!

Сперанский (*осторожно*). И как успехи? Нашли... что-нибудь?

Александр. Я склоняюсь к тому, что мне следовало родиться крестьянином. Мне близок простой, мирный рабочий труд. Я люблю природу. Милых животных. Картошку на сале и самовар с вареньем. И баню.

Сперанский. Кстати, насчёт крестьян.

Александр (*перебивая*). Всё, я вас отправляю в Сибирь.

Сперанский (*в шоке*). Что? Как? Вы меня высылаете в Сибирь? О господи, за что на этот раз?!

Александр. Я не высылаю. Я вас туда отправляю генерал-губернатором. Оказывается, действительно, можно... в Сибирь – наградить! (*Улыбается.*) И не показывайтесь больше мне на глаза.

Сцена 9

Михайловский замок. Тайная комната. Александр и Павел едят, сидя за столом.

Александр. А знаете, я начинаю намного лучше вас понимать с некоторых пор... Стоит дать слабину, и тебе садятся на шею!

Павел. Пиши давай!

Александр (*недовольно*). Я устал. Рука болит. И глаза. И вообще, я уже не уверен, нужно ли это? То, что мы едим?

Павел. Да! Что у тебя за манера бросать всё на полпути?

Александр задумывается.

Перекрутка.

1781 год. Царское село.

Детская. Александр и Константин играют в солдатиков. Заходит Екатерина.

Екатерина (*бросаясь к Александру*). Ах, мой сладенький пирожочек! Во что ты играешь?

Видит солдатиков.

Екатерина (*в ужасе*). Брось! Брось! Плохая игра! Отдай лучше брату.

Отбирает солдатиков. Даёт кубики.

Екатерина (*берёт кубик*). Как это называется?

Константин (*отрываясь от солдатиков*). Кубик.

Александр. Квадратный кубик.

Екатерина (*гладит по голове Александра*). Ты ж мой маленький гений!

Перекрутка.

Детская.

Константин играет с солдатиками. Александр складывает башню из кубиков. Заходит Марьфёдорна.

Марьфёдорна. Саша, во что ты играешь? В кубики? Ой, как скучно...

Забирает кубики. Сажает за стол.

Марьфёдорна. Вот, давай лучше порисуем.

Перекрутка.

Детская. Александр рисует, сидя за столом. Константин отрывает головы солдатам. Заходит Павел.

Павел. Саша! Что ты делаешь? Ты рисуешь? Глупое занятие! Пойдём погуляем на воздухе! Побегаем!

Берёт его на руки. Уносит.

Голос из коридора. Костя! Ты с нами?

Перекрутка.

1784 год. Царское село.

Детская. Александр лежит в кровати. Екатерина поёт детскую песенку на немецком языке. Заходит слуга. Екатерина замолкает.

Слуга. Ваше Величество, Григорий Александрович просили передать, что они уже разделись и ждут вас.

Екатерина вздыхает. Целует Александра. Уходит

Перекрутка.

Детская.

Александр лежит в кровати. Сидит Павел. Рассказывает сказку на русском языке

Павел. И вот, в конце... (*Смотрит на часы.*) О, уже восемь вечера! Мне пора ехать домой!

Целует его в лоб. Уходит.

Александр (*печально*). Ну вот, опять на самом интересном месте...

Константин (*из кровати в углу*). А мне вообще ничего не слышно!

Перекрутка.

1785 год. Царское село.

День рождения Александра.

Александр сидит за столом. На столе стоят два торта со свечами. Справа сидит Екатерина, слева – Александр и Марьфёдорна. Саша ножом и вилочкой ест торт.

Екатерина. Ах, мой сладкий пирожочек! Скажи, чей тортик вкуснее?

Павел. Да, Саша, чей тортик вкуснее: наш с мамой или бабушкин?

Саша (*устало вздохнув*). Я уже обоих объелся...

Перекрутка.

1786 год. Царское село.

Рождество Александра.

В большом зале стоит большая ёлка. В зале находятся Екатерина, Потёмкин, Павел, Марьфёдорна, маленькие Александра и Елена Павловны, дамы и господа.

Александр и Константин разворачивают подарки.

Александр разворачивает подарок от Екатерины. В подарке – глобус.

Александр разворачивает подарок от Павла – в подарке игрушечный меч.

Константин разворачивает один большой подарок. В подарке – пианино.

Потёмкин. Хм, намёк на заграничные походы, однако!

Все. Ах, какой подарок тебе нравится больше?

Александр (*вздыхая*). Вон тот...

Показывает на сестру. Сестра держит в руках куколку.

Все (*удивлённо*). Ах, но зачем тебе кукла, малыш? Это игрушка для девочек!

Александр. А я буду её лечить. (*Смотрит на брата.*) После того, как он ей голову оторвёт...

Перекрутка.

Михайловский замок. Тайная комната. Павел и Александр.

Павел. О чём задумался?

Александр. Да так... (*Тяжело вздыхает.*) Да, давайте писать дальше...

Сцена 10

Зимний дворец. Покои Елизаветы Алексеевны.

В покоях Елизаветы Алексеевны сидят Константин, Марьфёдорна, Николай.

Входит Елизавета Алексеевна

Елизавета Алексеевна (*удивлённо*). Что вы тут все делаете? Что случилось?

Марьфёдорна. У нас семейный совет.

Елизавета Алексеевна. В таком случае надо позвать императора...

Константин. Нет, не надо. Во-первых, он сейчас занят. Красит забор на улице. Во-вторых, совет собрался как раз по его поводу.

Елизавета Алексеевна. А почему в моей комнате?

Марьфёдорна. Потому что он сюда реже всего заходит.

Константин (*встаёт*). Итак! Теперь все в сборе. Мы долго откладывали этот разговор, отводя глаза от очевидного. Но более так продолжаться не может. Сначала я списывал происходящие с Сашей странности на опиум... потом на противовенерический сбор. Но сейчас он уже давно ничего такого не принимает.

Марьфёдорна. Ест только хлеб с вареньем и пьёт только воду! Кошмар!

Константин (*продолжая*). В общем, похоже, он начинает сходить с ума. И пока он не начал бросаться на людей, необходимо принять меры.

Елизавета Алексеевна. И какие же?

Марьфёдорна. Необходимо его как-то... Полечить. Временно отстранить от дел, чтобы он отдохнул.

Константин. Да он и так ничем не занимается! Не считая лепки горшков, плетения корзин и резьбы по дереву!

Елизавета Алексеевна. Что вы предлагаете?

Марьфёдорна. А вы? Хоть раз что-то вы предложили? Вы только ухудшаете! У него это с того момента началось, как вы в Австрии ему в близости отказали. Вот он с этого момента очень нервный стал.

Елизавета Алексеевна. Константин Павлович, уж кому-кому, а вам упрекать кого-то в том, что он бросается на людей... кажется, тут все сошли с ума.

Константин. И вы тоже. Матушка, как называется это расстройство, когда думаешь, что вокруг тебя одни сумасшедшие? (*Подмигивает.*) Елизавета Алексеевна, вот у вас эта болезнь.

Двери открываются. В дверях стоит Александр. Все вздрагивают. Смотрят на Александра. Александр смотрит на всех.

Константин (*обречённо*). Господи, ты опять надел платье.

Александр. Это не платье. Я нашёл идеальную для себя одежду. Это тога. Одежда древних римлян. Просто не подпоясана. Удобно! Ничто не стесняет движений и при этом всё прикрыто.

Оглядывает всех. Улыбается.

Александр. А что у вас здесь? Дайте угадаю... м-м-м... Оргия?

Константин. Саша, ну какая оргия!

Александр (*с укором*). Матушка... но вы-то куда! В вашем возрасте участвовать в оргиях нехорошо...

Елизавета Алексеевна. Саша, это не то, что вы подумали.

Александр. Эх, Елизавета Алексеевна... но вы! Вы! Вы же совершенство! И вы против меня?

Смотрит на Николая. Николай краснеет и молчит. Константин выступает вперёд.

Константин. Саша! С тобой происходит что-то странное! Ты целыми днями пропадаешь в Михайловском замке с какими-то бомжами.

Александр. Это мои друзья! Вольные странники!

Марьфёдорна. Кто-кто?

Александр. Вольные странники. Духовно просвещённые люди. Они помогают мне найти себя. Так как в Свободные каменщики меня не берут. Впрочем... (*Улыбается.*) Мне и так всё ясно. Я всё понял. Вы решили, что я сошёл с ума..? И пытаетесь убедить в этом меня? Ха-ха! Да пожалуйста... Я облегчу вам задачу. Вам не придётся меня свергать... Ждите.

Уходит. Все недоумённо смотрят ему вслед.

Пять минут спустя.

Возвращается, держа в руках корону. Кладёт на стол. Кладёт сверху лист бумаги.

Александр. Вот. Корона. И моё отречение от престола. Я не знаю, кто я... но я точно не государь император!

Марьфёдорна (*в ужасе*). Куда ты? Саша! Ах, он сейчас сделает с собой что-то плохое..!

Александр. Ничего я не сделаю. Я уезжаю. В деревню.

Снова уходит. Все переглядываются.

Марьфёдорна. Константин, ну давай, скажи что-нибудь!

Константин. А что? Я не буду императором... не-не!

Марьфёдорна. У него уже такое было, но быстро прошло... Ах, я вижу знакомую картину болезни! Приступы учащаются и длятся всё дольше!

Константин (*задумчиво*). Этот уже на два года затянулся...

Елизавета Алексеевна (*взволнованно*). Не сравнивайте Александра и Павла Петровича! Я уверена, что всё это – очередная блажь, которая пройдёт. Саша не сумасшедший. (*Решительно.*) Я верну его. Я уже не раз отговаривала его от дурацких поступков. Так что вы зря думаете, что у него это только последние годы. У него это... с рождения!

Выходит.

===== СЕЗОН 4 Сцены 11–12–13 =====

Дополнительно действующие лица:

Александра Фёдоровна (урождённая принцесса Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская) – супруга российского императора Николая I, мать Александра II, императрица российская

Сцена 11

Под Петербургом.

Деревня. Изба в саду. Вечер. Закат. Елизавета Алексеевна заходит в избу.

В избе, у печи, в простых штанах и рубашке стоит Александр.

Елизавета Алексеевна (*испуганно*). Вы тут... а я вас везде искала... Все искали. Вы что тут делаете?

Александр открывает заслон печи, достаёт оттуда шипящую сковородку.

Александр. Здравствуйте, Елизавета Алексеевна. Я? Картошку жарю. На сале.

Елизавета Алексеевна. Картошку?

Александр. Ага. Хотите?

Ставит сковородку на стол. На столе – солёные огурцы и хлеб.

Елизавета Алексеевна. Вы едите картошку с хлебом?!

Александр. Вас только это смутило?

Елизавета Алексеевна садится за стол напротив. Смотрит, как Александр ест.

Елизавета Алексеевна. Саша, что вы делаете? Что происходит?

Александр. Вы уже спрашивали. Ем картошку. А вы смотрите и завидуете, потому что тоже хотите... Но такие, как вы, не едят картошку с хлебом на сале.

Елизавета Алексеевна. Ах так? Ещё как ем!

Отбирает у него сковородку, накладывает себе картошку. Ест.

Елизавета Алексеевна (*жуя*). Я о вашем поведении. Вы понимаете, как это выглядит? Вы ведёте себя так, будто вы сошли с ума.

Александр. Я знаю. Так и задумано. Пусть так думают. Я очень надеюсь, что никто не станет меня удерживать как сумасшедшего. И я спокойно смогу удалиться жить в деревню.

Елизавета Алексеевна. Задумано? Так вы специально тут всех изводите?! Никто не хочет вас свергнуть! Вам хотят помочь!

Александр. Елизавета Алексеевна... У меня к вам последнее предложение. Давайте всё бросим и поедem в деревню! Будем там просто жить. Вам ничего не надо. Мне – тем более. Вы вот смотрите на меня с таким осуждением... а между тем, я же не прошу, чтобы вы мне картошку жарили. И не попрошу. Я сам могу. Ещё и вас накормлю. Голодной ходить не будете, я, если что, и рыбу ловить умею... и пахать, и горох сажать. В общем, все сельскохозяйственные работы мне удаются хорошо. (*Задумывается.*) Диплом пекаря бы не помешал... Может, во мне пропал великий пекарь? Так что вам не придётся там напрягаться. Давайте уедem в деревню.

Елизавета Алексеевна. Послушайте, великий пекарь, нельзя просто так взять и уехать в деревню! У вас есть обязательства! И у меня есть.

Александр отодвигает сковородку. Встаёт. Идёт к своему сюртуку, достаёт оттуда лист бумаги. Протягивает ей.

Елизавета Алексеевна. Это что?

Александр. Моё разрешение на развод. Наш с вами. Я снимаю с вас всяческие обязательства. Вы свободны. Всю ответственность я беру на себя. Пусть меня обливают помоями, мне всё равно. А вы поезжайте куда хотите... и будьте там счастливы.

Елизавета Алексеевна (*тихо*). Вы это серьёзно? Вы хотите развестись?

Александр. Да. Да, я хочу.

Елизавета Алексеевна (*в сердцах*). Господи, какой же вы эгоист! У вас есть только ваши страдания... вам на всех наплевать! А ещё удивляетесь, что у вас нет близких людей!

Александр. Да, я такой. Даже спорить не буду! Не повезло вам с мужем, сочувствую. Извините меня, пожалуйста. Вам не дали возможности выбрать другого. А я вам даю. А если Папа Римский или кто там будет противиться, вы скажите, что я за тридцать лет с вами спал всего два раза. Вас сразу освободят. Может, ещё компенсацию какую выплатят.

Садится за стол. Ест картошку с хлебом. Елизавета Алексеевна забирает бумагу, выходит из избы. Возвращается. Садится за стол.

Елизавета Алексеевна. Я сейчас уйду. Только доем вашу картошку... вкусная очень.

Александр. Очень рад, что вам понравилось. Я ещё планирую хлеб научиться печь...

Перекрутка.

Утро. Изба.

Александр спит на печи. Стук в дверь.

Александр встаёт, недовольный идёт к двери. Открывает. На пороге стоит Константин.

Александр (*резко*). Нет! Я не вернусь! И не просите!

Константин (*взволнованно*). Саша... Елизавета Алексеевна заболела!

Сцена 12

Зимний дворец. Спальня Елизаветы Алексеевны.

Бледная Елизавета Алексеевна лежит на кровати, на постели сидит врач со стетоскопом. Вокруг стоят Александр, Марьфёдорна, Александра Фёдоровна, Константин, Николай.

Врач. Так, все выйдите! Мне нужно переговорить с Его Величеством.

Марьфёдорна (*вздыхая*). Я вообще удивляюсь, как она до сих пор живая... Вы посмотрите на неё! В чём там душа держится? От всего вечно отказывается... От драгоценностей, нарядов, косметики... От еды. Ох, и помрёт она!

Все выходят. Врач отводит Александра к окну.

Александр (*встревоженно*). Что с ней?

Врач. Мужайтесь, Ваше Величество. Всё плохо.

Александр. Чем она больна?

Врач. Очевидно, суровый российский климат не подходит для её нежной иностранной организации... у неё полное физическое и моральное истощение.

Александр. О чём вы говорите? Какой климат? Она в России тридцать лет живёт, и всё нормально было!

Врач. У её болезни есть множество названий. Но, говоря простым медицинским языком... (*Вздыхает.*) Императрица умирает от тоски и одиночества.

Александр (*бледнея*). Как умирает? Что вы такое говорите! Она ещё вчера была живая... ела со мной картошку жареную! (*Задумчиво.*) Может, ей не надо было картошку? Всё-таки это жирная, тяжёлая пища...

Врач. Картошка тут ни при чём. Её болезнь возникла давно. Но вероятно, нечто её добило. (*Задумчиво.*) Возможно, и картошка.

Александр. Скажите, что делать? Как ей помочь? Это можно вылечить? Что современная медицина может тут предложить? Она же должна что-то...

Врач. Мужайтесь и будьте рядом. Это лучшее лекарство.

Хлопает его плечу. Уходит.

Перекрутка.

Александр сидит у постели Елизаветы Алексеевны. Держит её за руку. Елизавета Алексеевна спит.

Александр (*целует её руку*). Как же так, Лиза? Зачем же... ты умираешь? Не умирай... Ложится рядом. Обнимает её одной рукой. Гладит по волосам. Вздыхает.

Александр. Это я виноват... я тебя расстроил... обидел... Всегда я виноват! Но я исправлюсь. Хочешь? Я буду другим. Каким хочешь... только живи!

Целует её в лоб. Елизавета Алексеевна вздыхает во сне. Александр смотрит на её лицо.

Александр (*тихо*). В мире нет совершенства. Но есть ты. Единственный смысл моей жизни. Я не знаю, кто я... Мужчина, женщина, император или пекарь? Или, может быть, я никто? Единственное, что я знаю: это то, что я тебя люблю, и я умру без тебя.

Кладёт голову ей на плечо. Вздыхает и закрывает глаза. Елизавета Алексеевна приоткрывает глаза. Потом быстро снова закрывает. Александр встревоженно садится.

Александр. У тебя сердцебиение ускорилось... О господи! Тебе плохо?! Сейчас врача позову!

Елизавета Алексеевна (*приподнимаясь на кровати*). Не надо врача! Всё нормально... сядь. Мне приснился плохой сон... Мне приснилось, что я... умерла!

Александр (*в отчаянии*). О нет! Только не говори, что ты умираешь! Я не разрешаю! Слышишь? Я тебе в самой деспотичной манере приказываю жить!

Елизавета Алексеевна. Да я и сама не хочу умирать.

Александр. Что мне сделать?

Елизавета Алексеевна (*тихо*). Иди сюда... ляг со мной и обними. И всё.

Александр ложится рядом. Обнимает её. Лежат.

Александр. Так лучше?

Елизавета Алексеевна. Да... так хорошо.

Александр целует её в щёку.

Елизавета Алексеевна. А так совсем замечательно...

Перекрутка.

Спальня Елизаветы Алексеевны.

Александр стоит у кровати. Врач сидит на кровати со стетоскопом. Встаёт, отводит Александра к окну.

Врач. Кхм... любопытно, любопытно. Её состояние улучшилось. Что ей давали?

Александр (*недоумённо*). А надо было что-то давать? Вы же никаких инструкций мне не дали, кроме как мужаться и быть рядом. Вот я и был с ней рядом. Весь день вчера и всю ночь.

Врач. И что вы делали?

Александр. Ничего. Обнимал её очень осторожно. Несколько раз поцеловал в лоб.

Врач. Улучшение налицо. Попробуйте сегодня обнимать менее осторожно и поцелуйте в губы.

Александр (*озадаченно*). И думаете, это поможет? Не слышал про такое лечение...

Врач. Я тоже. Но давайте попробуем. Хуже уж точно не будет.

Перекрутка.

Спальня Елизаветы Алексеевны.

Елизавета Алексеевна сидит в кровати. Ест картошку с хлебом.

Врач и Александр стоят у окна.

Врач. Феноменально! Болезнь отступает... медленно, конечно, но появился шанс, что она не умрёт. Что вы делали?

Александр. То же, что и вчера, и как вы мне сказали. Обнимал и целовал. Только меня беспокоит, что у неё от этого такое сердцебиение, что как бы не было инфаркта.

Врач. Ну, вы знаете, что дальше делать.

Что-то пишет на листке. Отдаёт Александру. Уходит.

Перекрутка.

Спальня Елизаветы Алексеевны. Полночь.

Елизавета Алексеевна спит. Заходит Александр с фонарём. Ставит фонарь, раздевается, забирается в постель. Александр обнимает и гладит её под одеялом.

Елизавета Алексеевна (*сонно*). Что... (*Просытаясь*.) Что... ты делаешь?

Александр (*шёпотом*). Тс-с-с... так надо. Так доктор велел.

Елизавета Алексеевна. Что он велел?

Александр. Это лечение. Нам надо вступить в близость.

Елизавета Алексеевна (*недоумённо*). Что значит «надо»?

Александр. Для твоего выздоровления. Ты болеешь от тоски и одиночества. Лучшее лекарство – близость со мной. И лучше всего физическая.

Целует её, раздевает.

Елизавета Алексеевна. Но как же... это так странно!

Александр. Не упрямясь и не спорь! Нужно принимать лечение по схеме.

Елизавета Алексеевна. Ещё и схема есть?

Александр. Конечно. «Принимать "Близость" дважды в день, утром и вечером». И никаких отказов я не приму, так и знай! Так что лучше расслабься и постарайся получить удовольствие.

Елизавета Алексеевна (*обнимая его*). Я и не собиралась отказываться... надо слушаться врачей. Я ведь не хочу умирать.

Александр (*ложась сверху*). Вот именно.

Гасит фонарь.

Голос Александра в темноте. А тебе так не тяжело? Ты же болеешь. Может, поменяемся местами?

Голос Елизаветы Алексеевны. Не беспокойся. Эту ношу я выдержу.

Сцена 13

Два дня спустя.

Зимний дворец. Гостиная. Сидят Марьфёдорна, Константин, Александра Фёдоровна и Николай.

Марьфёдорна. Не понимаю. Проблема совершенно не решается! Саша по-прежнему отстранён от государственных дел! Сначала он проводил время в Михайловском замке с бомжами, теперь он второй день не выходит из её спальни!

Константин (*с усмешкой*). Это я виноват. Я ему подсыпал в чай свой секретный отвар для усиления... в общем, для сил. Там первые сорок восемь часов ТАКОЙ эффект!

Марьфёдорна. Безобразие! Опять ты хулиганишь! Даёшь брату всякую гадость! Вот с самого детства: то песку в кашу насыплешь, то соли в варенье...

Константин. Ну чего... ничего ж плохого с ним не делается? Этот сбор не опасен для жизни. А Елизавета Алексеевна должна остаться довольной. В конце концов, всё это ради её здоровья. Чтобы она не померла. Только если от многочисленных повторяющихся припадков удовольствия...

Марьфёдорна осуждающе смотрит на Константина.

Александра Фёдоровна. О, знаете, а мне кажется, она совсем даже не больна!

Все смотрят на неё.

Александра Фёдоровна. Я вчера видела, как она ночью бегала по коридорам.

Николай (*любезно*). Дорогая, а что вы делали ночью в коридоре?

Марьфёдорна. Может быть, ей нужна была помощь?

Александра Фёдоровна. Да нет. Мне так не показалось. И ещё вчера, когда император днём уходил, я к ней заглянула, чтобы справиться о самочувствии. Так она сидела в кровати, читала и одновременно ела пирог за обе щеки. И жареную картошку.

Марьфёдорна. Возмутительно... Она обманывает Сашу! Опять!

Константин. Он сам обманываться рад. Особенно благодаря моему отраву... отраву.

Марьфёдорна. Да, конечно, в некотором роде это разумное поведение.

Перекрутка.

Спальня Елизаветы Алексеевны.

Елизавета Алексеевна и Александр лежат в постели. Целуются и обнимаются.

Александр (*шёпотом*). Тебе хорошо?

Елизавета Алексеевна. Да, очень хорошо... Если бы ты ещё не спрашивал меня об этом каждые две минуты, то было бы совсем хорошо.

Александр. Кажется, тебе лучше. Ты поправляешься!

Елизавета Алексеевна. Да, это правда. Лечение работает. Правда, я не могу сказать, чтобы совсем хорошо стало... в том смысле, что необходимо ещё лечение продолжать какое-то время.

Александр. Я вот тут подумал... не будет ли у этого лечения побочный эффект?

Елизавета Алексеевна. Какой же?

Александр. Вдруг на этот раз у нас всё-таки получится ребёнок? Я бы очень хотел. Я очень старался. И ещё могу постараться.

Елизавета Алексеевна. Вообще доктор после моих последних родов сказал, что новая беременность будет опасна для моей жизни, но я готова рискнуть.

Александр (*испуганно*). Опасна? Для жизни? Тогда я не готов! Что же ты сразу не сказала, что такое лечение может принести тебе вред?

Елизавета Алексеевна (*испуганно*). Никакого вреда! Одна польза... Ты ведь спас мне жизнь!

Александр (*отстраняясь от неё*). Чтобы обменять её на твою смерть при родах? Нет! С лечением пора заканчивать!

Елизавета Алексеевна (*обречённо*). Язык мой поганый... Вот почему я не могу научиться держать его за зубами?

Перекрутка.

Константин (*смотрит на часы*). Уже полдень, а они всё никак не... закончат лечение своё. А у нас сегодня парад. Вечерний.

Марьфёдорна (*в ужасе*). А если она ещё и забеременеет? Вот люди на смех поднимут! С ума они, скажут, сошли в их возрасте..?

Голос в углу. Императрица не забеременеет. Александр Павлович бесплоден.

Все поворачивают головы. В углу, в кресле, сидит седой сторбленный старик с палочкой.

Марьфёдорна. Боже? Вы кто?!

Николай. И как давно вы здесь?

Старик. Я медикус. Семейный врач. Лечил ещё Екатерину Алексеевну и Павла Петровича... Точнее, как лечил: пытался уговорить их принимать лечение, однако, Екатерина Алексеевна пилюли выплёвывала, а Павел Петрович...

Константин. Так, так! Стоп. Ты до этого что сказал? Что император бесплоден?!

Врач. Ну да. Увы. Это последствие прививки от оспы на фоне перенесённой в детстве краснухи. Я говорил Екатерине Алексеевне, что она перебарщивает с закаливанием. Что надевать мальчику мокрые штаны... да и женить его в 15 лет...

Марьфёдорна (*всплеснув руками*). Так вы тот самый медик?! Которого все искали? Когда умирала императрица?! Где же вы были все эти годы?!

Врач. Да здесь был... не показывался просто. Я ж честно государыне про Александра Павловича сказал. Она меня слушать не стала! Глупости, мол, я говорю... Так я пошёл и сам ему сказал! Я подошёл к нему (ему лет одиннадцать было) и сказал: «Мальчик! Ты более не мужчина!» (*Тяжело вздохнув*.) А тут зайди Павел Петрович да как огрей меня палкой... сказал, что ежели на глаза ему попадусь, он меня приберёт. Вот я и сидел. А потом забыл выйти.

Голос Александра. Я... бесплоден?

Все поворачивают головы. У дверей стоит Александр.

Молчание.

Врач (*вздыхая*). Именно. Неудачное стечение печальных обстоятельств плюс холодные, узкие и мокрые панталоны. Вам ещё повезло, что у вас там вообще всё не отвалилось! Что как-то работает. И это потому, что я вовремя принял меры! (*С интересом*.) Как хоть работает-то? Нормально? Ужасно интересно было все эти годы, пока я в отставке сидел.

Александр (*медленно*). Я бесплоден..?

Врач (*терпеливо*). Да. Это значит, что вы не в состоянии зачать ребёнка. Никак. Ни с кем. Сколько б ни старались, сие невозможно. У вас там всё стерильно. Как на небесах.

Константин. То есть он практически ангел.

Врач. Как размножаются ангелы, не знаю, но Александр Павлович не в силах дать потомство. Он совершенно не в состоянии. У него...

Александр. Хватит. Я понял смысл.

Разворачивается и уходит.

Константин (*недоумённо*). Но мне тоже делали прививку. Я болел краснухой и носил мокрые штаны.

Врач (*смотрит на него*). Вы тоже бесплодны.

Константин. Что ты плетёшь, дурак?! У меня есть дети!

Врач. Ну, может, вы не настолько ангел, как Александр Павлович, но я бы на вашем месте всё равно задумался.

Константин задумывается. Встаёт и уходит.

Марьфёдорна (*в ужасе*). Господи, какой ужас!

Врач. Да почему ужас-то? Есть и хорошие стороны. Теперь они с императрицей могут жить в своё удовольствие, не рискуя своей жизнью... в обмен на новую.

Заходит Константин с палкой.

Константин (*поглаживая палку*). Так, вот она, отцовская... ну щас я тебе задам!

Врач (*печально*). И вот так всегда в нашей профессии...

===== **СЕЗОН 4 Сцена 14** =====

Сцена 14

Ночь. Покои Александра.

Александр сидит в кресле перед открытыми дверями балкона. В небе светит большая луна. Раздаётся тихий стук в дверь. Дверь приоткрывается. Заглядывает Елизавета Алексеевна.

Елизавета Алексеевна (*шёпотом*). К тебе можно?

Александр. Да, заходи.

Елизавета Алексеевна заходит в комнату. В руках у неё корзинка. Ставит корзинку на стол.

Елизавета Алексеевна. Ты не спишь?

Александр. Нет. А ты?

Елизавета Алексеевна. Нет. Я тут кое-что тебе принесла.

Достаёт из корзинки шампанское, два бокала, банку варенья. Две ложки. Снимает и вешает на кресло халат.

Александр (*с интересом*). Красивый пеньюар... Я такого у тебя не видел.

Елизавета Алексеевна. Это твоя сестра подарила. Я подумала: а чего ему лежать? Надо куда-то надеть.

Александр. Хм. Похоже на свидание?

Елизавета Алексеевна. Почему бы и нет? У нас никогда не было свиданий.

Александр. Извини, я не знал про то, что у нас будет свидание. Мой пеньюар в стирке.

Улыбаются. Александр открывает шампанское. Разливает в бокалы. Открывает банку варенья. Ест варенье.

Елизавета Алексеевна (*осторожно*). Саша... по поводу медика. Мне так жаль!

Александр. Забудем. Ничего не исправишь. Хотя я подозревал что-то такое. (*Задумчиво*.) Может быть, поэтому я не очень любил интимную близость и её избегал. Чувствовал, что это всё какой-то бессмысленный процесс... хотя в этот раз с тобой прямо накатило. Почти как под опиумом: никак не мог остановиться! А вроде ничего такого не принимал. Странно... Но сейчас, слава богу, отпустило.

Елизавета Алексеевна (*вздыхая*). То есть пеньюар я зря надевала? Опять десять лет ждать, пока на тебя накатит? Боюсь, что до нашего следующего раза я просто не доживу...

Александр (*встревожено*). Кстати, насчёт твоей смерти... Разве тебе можно пить алкоголь?

Отбирает у неё бокал.

Елизавета Алексеевна (*смущённо*). Прости... я... Я специально притворилась, чтобы тебя привести в чувство.

Александр (*удивлённо*). Серьёзно? То есть я зря тебя два дня лечил?! (*Недовольно*.) Значит, всё **ВООБЩЕ** было бессмысленно!

Елизавета Алексеевна. И ничего подобного! Это были хорошие два дня.. (*Задумчиво*.) Пожалуй, лучшие в моей жизни. Я хочу сказать, что у меня два дня подряд никогда не было...

Александр (*недоумённо*). И как тебе такое в голову пришло? На тебя это совсем не похоже! Притвориться больной, чтобы соблазнить мужа!

Елизавета Алексеевна. Я не пыталась соблазнить. Я просто прислушалась к совету твоей матушки... про ложь во спасение.

Александр. О да, вот на матушку это очень похоже! (*С улыбкой*.) Да, если ты уже начала слушать её советы...

Елизавета Алексеевна. Главное, что он сработал. Я же понимаю, что на близость со мной тебя могут толкнуть только крайние обстоятельства... вроде чувства мести, страха смерти...

Александр. На самом деле это не так. (*Вздыхает*.) Ты мне всегда очень нравилась. Я даже как бы в тебя влюблён был. Тайно.

Елизавета Алексеевна замирает с ложкой варенья у рта.

Александр. Да... наверное, давно нам надо было объясниться...

Елизавета Алексеевна (*возмущённо*). Да уж! Объясни!

Александр (*смущённо*). Ты мне сразу понравилась, как только я тебя увидел. Но так как у меня очень хороший вкус, и я всегда выбираю лучшее, я сразу решил, что недостаточно хорош для тебя.

Елизавета Алексеевна. А меня ты спросить не подумал?

Александр (*возмущённо*). Я спросил! Я тебе, между прочим, признался! Помнишь, когда мы все сидели в Бриллиантовой комнате, я тебе написал записку, что, мол, я люблю вас, Елизавета Алексеевна... То есть тогда ты не была ещё Алексеевной... Но неважно... и спросил, не желаешь ли ты выйти за меня замуж.

Елизавета Алексеевна. Ты всем друзьям в тот день написал такие записки!

Александр. Да, но замуж я позвал только тебя! А что ты ответила?

Елизавета Алексеевна. Я согласилась!

Александр. Ты написала, что покоряешься воле своих родителей! И как это было понимать?

Елизавета Алексеевна. Но и ты написал, что просишь моей руки с разрешения своих родителей!

Александр. Но я не мог в принципе просить ничьей руки без их разрешения! Мне было пятнадцать! (*Возмущённо.*) Вот! Вот ты потом начала себя так вести... вот как сейчас! Спорить со мной!

Елизавета Алексеевна. Да, но если ты говорил глупости?

Александр. Ты смотрела на меня как на дурака, не только когда я говорил, но и когда сидел молча!

Елизавета Алексеевна. После твоего признания в нашу первую брачную ночь чего ещё ты ждал?!

Александр (*недовольно*). Ну, не знаю... сочувствия? Любопытства? Что ещё я мог сказать! Я понятия не имел, что с тобой делать! Когда моя бабушка отправила ко мне свою фрейлину, чтобы меня всему научить, я пообещал ей заплатить из твоего приданного, чтобы она сказала, что у нас всё было, а сам в тот же вечер убежал к родителям в Гатчину.

Елизавета Алексеевна (рука-лицо)

Александр. В своё оправдание я скажу, что она была – фу... И ей было почти тридцать! Не хотел я с ней спать!

Елизавета Алексеевна. Это не имеет значения, ведь ты сказал, что ты – женщина и между нами ничто невозможно, кроме дружбы! Вот я и вела себя с тобой как с другом!

Александр. Вот и быстро же ты сдалась! Ну, у меня, конечно же, были всякие фантазии на свой счёт. Но положила руку на сердце: мы же оба с тобой понимаем... Ну какая же я женщина?

Елизавета Алексеевна. Я сейчас в тебя запущу этой банкой варенья. Я серьёзно.

Александр. Хорошо, только я сначала его доем.

Елизавета Алексеевна. А я пока допью.

Берёт бутылку шампанского и пьёт из горла.

Александр (*бормочет*). И ещё все эти люди, которые везде тобой восхищались, пишут там музыку и стихи...! Ко мне как-то на улице подошёл один нищий, и мало того, что он был просто фу... Так он ещё и заявил, что ты раздавала милостыню, дотронулась до него и он прозрел! На мой вопрос, почему же он тогда просит у меня милостыню как слепой, он заявил, что, прозрев, тут же снова ослеп от твоей красоты! То есть я согласен, что ты совершенство, но знаешь... вместе с этим эти люди видели тебя издалека, а я знаю тебя тридцать лет, и я скажу тебе: ты совершенство, но ты ещё та!

Быстро доедает варенье.

Елизавета Алексеевна. У меня нет слов!

Александр. И это прекрасно! Промолчи.

Елизавета Алексеевна (*вставая*). Видеть даже тебя не хочу! Ещё я, оказывается, и виновата!

Идёт к двери. Выходит за дверь. Хлопает дверью. Александр ест варенье.

Елизавета Алексеевна (*заглядывая*). За мной не пойдёшь?

Александр. Ты меня тридцать лет знаешь. Могла бы и не спрашивать. Конечно же, нет! С места не сдвинусь.

Елизавета Алексеевна заходит обратно. Садится напротив. Задумывается.

Александр. Хочешь варенья? А то я всё съем...

Протягивает ей банку.

Елизавета Алексеевна. Доедай, там осталось две ложки.

Александр. Ну так вот... насчёт тебя. В общем, не то чтобы я не хотел вступить с тобой в близость до 1805 года, но каждый раз, когда я этого хотел, я всегда думал, а вдруг тебе не понравится, и ты сделаешь такое лицо... после которого я никогда не оправляюсь... А, учитывая, что тебе не нравится почти всё и все, за редким исключением, то... я подумал: «Да ну её вообще..!»

Останавливается на полуслове. Елизавета Алексеевна начинает плакать. Александр откладывает банку, встаёт и подходит к ней. Опускается на колени.

Александр (*умоляюще*). Ну прости... прости меня!

Елизавета Алексеевна. Да нет... это ты прости. Я подумала, какая же я ужасная на самом деле, и мне стало тебя жалко.

Александр (*озадаченно*). Да? Ну ладно тогда...

Перекрутка.

Ночь. Александр и Елизавета Алексеевна сидят рядом на кровати. Елизавета Алексеевна кладёт голову на плечо Александра. Смотрят на луну.

На столе стоит пустая бутылка из-под шампанского и пустая банка из-под варенья.

Александр. Я тут подумал... Раз у нас не может быть детей и не могло быть в принципе, может быть, тогда разыщем твоих? И я их усыновлю.

Елизавета Алексеевна (*удивлённо*). Что, и даже китайца?

Александр. А почему бы и нет? Даже хорошо, что он китаец. Разве он виноват в этом? Я бы усыновил детей разных национальностей. Французов, итальянцев, голландцев... Мы бы жили в деревне. Я бы занимался там всяким хозяйством... ну, тем, что ты не умеешь: готовить, пахать, стирать, убираться. А ты... (*Задумывается.*) А ты бы учила их читать... и русскому языку. И совершенству.

Елизавета Алексеевна. Боюсь, что слишком поздно. Теперь у них другая жизнь и другие родители. Я уже смирилась.

Александр (*взволнованно*). Другая жизнь... Я подумал сейчас, что если бы наша встреча произошла в другое время, в другом месте и при других обстоятельствах... и это были бы уже совсем другие мы – может быть, у нас бы всё было иначе?

Елизавета Алексеевна. Я тоже об этом думала. Мне кажется, если бы мы встретили друг друга позже, когда стали бы взрослее, умнее... ответственнее... (*Смотрит на него.*) Но не в твоём случае.

Александр. Да, всё могло бы быть, например, вот так.

Перекрутка.

Фантазия Александра

Царское село. Или Зимний дворец. А может быть, Петергоф?

Примерно 1797 год. Большой, ярко освещённый зал. По краям зала музыканты играют на лирах и арфах.

Стоят вазы с цветами. Бегают кролики и поют скворцы.

Голос Елизаветы Алексеевны. Кролики? Почему кролики?

Голос Александра. Ну, просто кролики – символ семейного счастья и благополучия. Я их люблю.

Молодой двадцатилетний Александр в белом мундире стоит в центре зала. Его волосы отливают золотом. В петлице красуется алая роза.

Голос Александра. И я стою, смотрю на двери и гадаю: какая ты? Понравлюсь ли я тебе?

Голос Елизаветы Алексеевны. Я стою за дверью и думаю: какой ты? Так ли ты хорош, как тебя описывали?

Камердинер. Принцесса Луиза Гессен-Дармштадтская!

Двери зала распахиваются. Принцесса Луиза в белом платье входит в зал. Распущенные волосы отливают серебром. В волосах – белая роза.

Музыка смолкает. Александр и Луиза поднимают глаза и смотрят друг на друга.

Голос Александра. Я смотрю на тебя и думаю, что ты само совершенство.

Голос Елизаветы Алексеевны. А я вижу тебя, и ты кажешься мне ещё красивей, чем я тебя представляла. Но я не спешу судить человека по внешности. Что если ты глуп или высокомерен?

Музыканты снова начинают играть. Луиза и Александр стоят друг напротив друга.

Голос неподалёку. Ах, они такие красивые!

Луиза и Александр поворачивают головы. На троне сидит Екатерина и с улыбкой машет им рукой. Рядом с Екатериной сидит мужчина в парике, в его руке – бокал вина. Возле ног мужчины сидит собачка.

Голос Елизаветы Алексеевны. А кто это?

Голос Александра. А это дедушка. Он жив и его никто не убивал. И они с бабушкой живут в согласии...

Екатерина (*отнимая у Петра бокал*). Хватит пить! Хочешь испоганить внуку помолвку?

Пётр (*отбирая бокал*). Чтоб тебя собаки съели! Идиотка!

Александр неуверенно протягивает руку. Приглашает Луизу на танец. Луиза смущённо касается его ладони кончиками пальцев. Александр обнимает её за талию. Танцуют вальс.

Александр (*тихо*). Луиза, я счастлив, имея разрешение моих родителей... иметь возможность... просить вашей руки... если это сможет составить ваше счастье...

Танцуют.

Голос Александра. Кстати, насчёт моих родителей.

Александр и Луиза поворачивают головы в другую сторону. На троне в другой стороне зала сидит Павел. Рядом с ним сидит Марьфёдорна. Позади трона стоит Куракин. На ступеньках сидит Нелидова. На коленях у Павла сидит маленький шпиц.

Марьфёдорна (*подсовывая ему тарелочку*). Друг мой, скушайте пирожок!

Павел (*недовольно*). Марьфёдорна, не мешайте мне смотреть, как они танцуют! Там красиво!

Голос Елизаветы Алексеевны. Я не понимаю... Как это возможно? Ваш отец – всё равно император? При живых родителях?

Голос Александра. Да. Дедушка отрёкся от престола в его пользу. И отец правит при пожизненном регентстве матушки...

Александр и Луиза танцуют. Смотрят друг на друга.

Луиза (*тихо*). Имея такое же согласие моих родителей... Я могу сказать, что более всего на свете я хочу принадлежать вам.

Голос Елизаветы Алексеевны. Я бы так никогда не сказала! Тем более на первой встрече.

Голос Александра. Неважно. Это фантазия. Сон. Ведь во сне всё возможно...

Александр вынимает из петлицы розу и вплетает её в волосы Луизы.

Александр (*взволнованно*). Мне кажется, я уже видел вас где-то... может быть, во сне?

Луиза вынимает из волос белую розу и заправляет её в петлицу Александра.

Александр. Могу ли я считать этот жест вашим согласием?

Луиза (*едва слышно*). Да...

Голос Александра. И мы уже влюблены друг в друга... и ничто не волнует нас более нас самих...

К Павлу подходят секретари с документациями.

Павел (*нервно*). Марьфёдорна! Уйдите со своими пирогами! Не мешайте мне работать!

Екатерина. Пётр Фёдорович, немедленно уберите отсюда своих грязных собак!

Пётр. Эти собаки чище, чем твои ноги, ха-ха!

Достаёт из кармана флягу. Екатерина отбирает флягу. Достаёт из-под трона бутылку. Александр и Луиза танцуют.

Александр. Я счастливейший человек на земле!

Луиза. Я тоже...

Мимо пробегает Пётр с бутылкой в сопровождении собак. За ним бежит Екатерина.

Александр (*вдогонку*). Бабушка, осторожнее!

Луиза (*испуганно прижимается к нему*). А кто это там? В углу? Какой-то человек сдирает шкуру с животного?!

Александр (*приглядываясь*). А это мой брат Константин! Что вы... это не шкура, это норковая накидка матушки... он её расчёсывает. Он и мухи не обидит!

Машет рукой Константину. Константин машет накидкой в ответ. Музыка стихает. Александр и Луиза останавливаются. Смотрят друг другу в глаза.

Александр (*проникновенно*). Я знаю вас несколько минут, но уже понимаю, что хочу прожить с вами всю оставшуюся жизнь!

Луиза (*в восторге*). И я мечтаю об этом!

Александр. Несомненно, моя семья вас очень полюбит.

Мимо проходит Павел с кучей бумаг.

Павел. Матушка, позвольте спросить вашего одобрения... Я тут придумал много новых законов для своего проекта по интеграции счастья и благополучия в общество!

Екатерина тянет за сапог спрятавшегося под лавку Петра.

Екатерина (*Павлу*). Господи! Не до тебя сейчас!

Павел (*обиженно*). У вас на уме только дедушка! Вы совсем не обращаете на меня внимания!

Александр (*обнимая Луизу*). Но вы должны знать... Я совсем не хочу править! Я мечтаю оставить светскую жизнь и удалиться жить в дом на озере.

Луиза (*взволнованно*). Это тоже моя детская мечта!

Александр. Тогда пойдёмте скорее!

Берёт её за руку. Ведёт за собой из зала.

Голос Елизаветы Алексеевны. Неужели мы взяли и сбежали?

Голос Александр. Нет. Это было бы нехорошо.

Голос Елизаветы Алексеевны. Так куда же мы?

Голос Александра. В кладовку.

Голос Елизаветы Алексеевны. Куда?!

Голос Александра. Ну, я подумал... что мы бы на этот раз не стали тянуть... Ты получила предложение руки и сердца и признание в любви, и теперь можешь отдаться мне в кладовке.

Голос Елизаветы Алексеевны (*возмущённо*). Что? Нет! Нет, я бы не стала! Ни за что! Как ты вообще мог такое вообразить?

Голос Александра. Да ладно, это же фантазия! Это сон... там всё что угодно может быть!

Голос Елизаветы Алексеевны. Я бы не отдалась тебе на первой встрече в кладовке даже во сне!

Голос Александра. Да я пошутил...

Голос Елизаветы Алексеевны. Ну вот, ты всё испортил. Всю фантазию опошил!

Голос Александра. Да ладно, ничего бы я там с тобой не сделал, ты же меня знаешь...! Просто мне интересно было видеть твоё лицо в тот момент до того, как нас свяжут вечными узами.

Голос Елизаветы Алексеевны. Всё, я ухожу!

Голос Александра. Из кладовки?

Голос Елизаветы Алексеевны. Из твоей фантазии! Ты совершенно не можешь быть серьёзным!

Уходит из фантазии.

Перекрутка.

Глубокая ночь.

Александр и Елизавета Алексеевна целуются, сидя на кровати.

Александр. Ты пахнешь ландышами в шампанском...

Елизавета Алексеевна. А ты на вкус, как банка варенья...

Александр (*сквозь поцелуй*). У меня такое ощущение, что ты опять хочешь близости.

Елизавета Алексеевна. Да... я бы не отказалась...

Александр (*строго*). А я вот воздержусь. Хватит. Хорошенького понемножку.

Елизавета Алексеевна. И это говорит мне человек, который только что съел банку варенья?

Александр. Если хочешь, можем пообниматься. А там посмотрим, как пойдёт...

Елизавета Алексеевна. Давай.

Ложатся на кровать. Обнимаются.

Минуту спустя.

Елизавета Алексеевна (*садится*). Ой. Мне что-то нехорошо... (*Шёпотом.*) Кажется, я выпила слишком много шампанского... Меня тошнит!

Александр (*с укором*). И ты, конечно, не взяла с собой свой тазик? Я бы на твоём месте всегда носил его с собой.

Елизавета Алексеевна вскакивает. Прижимает руку ко рту. Бежит к балкону.

Александр (*довольно*). Ура! Надеюсь, там внизу кто-то проходил...

Голос Елизаветы Алексеевны. «Ура»? Ты издеваешься?!

Александр. Конечно! Теперь ты больше не совершенство. (*Помолчав.*) В качестве утешения могу сообщить тебе, что со мной такое было. Причём меня стошнило из окна комнаты моего отца. А его в своё время – из окна замка Марии-Антуанетты. Наверное, каждый должен через это пройти.

Елизавета Алексеевна, бледная, возвращается с балкона. Садится на кровать.

Александр (*обнимая её за плечи*). Если тебе плохо, можешь тут со мной спать. Но не вздумай больше лезть ко мне целоваться.

===== СЕЗОН 4 Сцены 15–16–17–18 =====

Сцена 15

Москва. Утро. Малый Николаевский дворец Московского Кремля.

Роды великой княгини Александры Фёдоровны.

Гостиная. Александр и Николай сидят в гостиной.

Николай (*взволнованно*). Я так взволнован... Это просто невозможно описать! Я стану отцом!

Александр. Да, ты прямо-таки огорошил меня этой новостью неделю назад... Вроде бы только что женился...

Николай. Мы говорили тебе, но ты пребывал... (*Смущённо*.) Где-то в своих мыслях. Мы не хотели лишний раз тебя беспокоить.

Александр. А я-то думал, что Александра Фёдоровна настолько оценила русскую кухню, но из тактичности не задавал вопросов... (*Вздыхнув*.) Да, когда-то я тоже сидел в похожей гостиной и думал, что могу стать отцом. Странное было чувство.

Николай (*смущённо*). Можно вопрос? Если, по словам семейного медикуса, ты не можешь иметь детей, то тогда... откуда взялись дочери Елизаветы Алексеевны?

Пауза.

Александр (*вздыхая*). Я знал, что кто-то задаст мне этот вопрос. Ну... тогда я ещё не знал, что не могу... И, как говорится, кто меньше знает, тот... не бесплоден!

Николай. То есть это были твои дети?

Александр. Да.

Николай. Не понимаю, но как же...

Александр. Ты ещё молод. С годами поймёшь. (*Задумчиво*.) Хотя лучше не надо.

Николай. Хорошо. Закроем эту тему.

Александр (*довольно*). Какой ты понятливый!

Николай. Тогда у меня другой вопрос. Я не сомневаюсь, что ты не имеешь отношения к гибели отца. Я знаю тебя. Но почему ты не наказал убийц? Почему ты не расправился с ними, когда стал императором? Я бы всех их повесил!

Александр (*недовольно*). Может, лучше поговорим о моём бесплодии?

Николай. Можешь не отвечать. Ты не обязан.

Александр. Но я отвечу. Я бы на твоём месте тоже об этом спросил. Думаю, пора и нам с тобой объясниться. Я пришёл к выводу, что всё надо делать в своё время, но вряд ли, если бы я объяснил тебе это лет десять назад, ты бы меня понял.

Николай. Потому что я был ещё слишком юн?

Александр. Нет, потому что десять лет назад я и сам был ещё слишком незрелым. Итак. Почему я не наказал заговорщиков? Начну с простого. Во-первых, я не знал непосредственных участников. Кроме графа Палена... но после, спустя несколько лет, у меня появился их список.

Достаёт из нагрудного кармана сложенный пожелтевший лист бумаги.

Александр. Вот. Видишь зачёркнутые имена? Это те, кто уже умер... Я его ношу с собой везде.

Николай. И ты убил их?!

Александр. Нет, не я. Они просто умерли... кто где. Некоторых Константин убил на Кавказе. Кого-то убивать не пришлось. Сам спился или покончил с собой. А вообще... там многие погибли ещё во время покушения... кхм.

Николай недоумённо смотрит на него.

Александр. Во-вторых. Официальной причиной смерти был апоплексический удар. Чтобы наказать заговорщиков, надо было признать публично факт убийства и начинать рас-

следование. И тогда пересажать вообще половину города... это был бы международный скандал. И самое ужасное, что моё имя было в этих списках. Мне дали понять, что если я попробую что-то сделать, то в лучшем случае отправлюсь за своим отцом, в худшем – буду объявлен организатором убийства. Матушка бы этого не пережила.

Николай (*взволнованно*). Тебя шантажировали... я так и думал!

Александр. Но вообще и это не главное. Главное, что на тот момент у меня не было ни реальной власти, ни сил... а главное, у меня не было смелости... и я не чувствовал себя вправе казнить других, потому что считал себя ответственным за то, что допустил это. Вот и всё.

Молчание. Николай взволнованно рвёт на кусочки платяную салфетку.

Александр. Ну, а сам себя арестовать и казнить я не мог. Сам понимаешь, по крайней мере, официально. Вот. Теперь ты знаешь, что я из себя представляю. Мне прямо легче стало...

Николай открывает рот, чтобы что-то сказать. Двери гостиной открываются. Появляются Марьфёдорна и Елизавета Алексеевна.

Марьфёдорна (*радостно*). Родился мальчик!

Перекрутка.

Покои Александры Фёдоровны. Александра Фёдоровна лежит в кровати. Вокруг неё бегают врачи и акушеры. Марьфёдорна держит на руках младенца. Передаёт его Николаю.

Николай (*удивлённо*). Ух ты! У меня сын!

Передаёт ребёнка Александру. Александр осторожно берёт ребёнка. Заглядывает в кулёк.

Младенец (*улыбается*). Здравствуйте! Рад вас видеть, господа!

Александр вздрагивает. Трясёт головой.

Елизавета Алексеевна (*удивлённо*). Саша, он вам улыбается!

Александр. О нет, по-моему, он улыбается вам...

Протягивает ребёнка Елизавете Алексеевне. Младенец радостно гулит и тянет ручки.

Александр. Его с ранних лет тянет к совершенству! Это прекрасно!

Марьфёдорна. Нужно выбрать ему достойное имя...

Николай (*задумывается*). Я назову его... Александром.

Александр. Что? Не-е-ет... не надо! Ну зачем? Это плохое имя! Я думал, что после нашего разговора ты назовёшь его Павлом...

Николай. Нет. Вдруг ему когда-то будет суждено править? Павел Второй – это будет выглядеть странно. Пусть император Павел останется единственным.

Александр (*кивая*). И неповторимым.

Сцена 16

Вечер. Спальня Елизаветы Алексеевны.

Александр лежит в постели, в очках, с маской на лице. Читает книгу. Заходит Елизавета Алексеевна.

Елизавета Алексеевна. Хм. И что вы здесь делаете?

Александр (*откладывая книгу*). Я? Я тут сплю. Я – Елизавета Алексеевна. (*Приспуская очки.*) Что, не похож? Вот книга.

Елизавета Алексеевна улыбается. Снимает халат, забирается в кровать. Александр снимает очки.

Александр (*вздыхнув*). Ладно. Хотите близости?

Елизавета Алексеевна (*смотрит на него*). Нет, спасибо.

Александр. Вы на меня за что-то дуетесь?

Елизавета Алексеевна. Нет. Просто нет желания. Впрочем, посмотрите на себя в зеркало.

Александр. Ах, это... это я смою.

Елизавета Алексеевна (*с подозрением*). Не пойму... вы хотите близости?

Александр. Я – нет. Но вы точно не хотите?

Елизавета Алексеевна. Определённо.

Александр (*с облегчением*). Ну слава богу! А то мне-то это вообще не нужно, но я подумал: а вдруг вам нужно? Хочу, чтобы вам было хорошо. Вы, главное, поставьте меня в известность заранее. Если вдруг захотите. За неделю хотя бы. А лучше за месяц. Вот... (*Протягивает ей пачку.*) Можно даже заранее вписать. Можем запланировать. Я подготовлюсь.

Елизавета Алексеевна. Вы опять валяете дурака... (*Вздыхая.*) Не буду я заниматься такими глупостями!

Александр. Ну как хотите. Спокойной ночи тогда!

Целует её в щеку, переворачивается на бок.

Елизавета Алексеевна. Саша, подождите...

Александр. Что, передумали?

Елизавета Алексеевна. Маску смойте. Вы всё постельное бельё мне испачкаете.

Сцена 17

Москва. Торжественный ужин Марьфёдорны по случаю крестин Александра Николаевича. Большой зал Малого Кремлёвского дворца.

Накрыт огромный стол. По углам стоят вазы с цветами. Музыканты играют на музыкальных инструментах. В центре стола сидит Николай. Справа от него – Марьфёдорна, слева – Александра Фёдоровна. Рядом стоит нянечка с младенцем на руках. Далее – Константин, Михаил, Анна, Нелидова, дамы и господа.

Открываются двери. Входит Александр под руку с Елизаветой Алексеевной.

Марьфёдорна (*недовольно*). Ну наконец-то! Елизавета Алексеевна, как всегда, привлекает к себе внимание своим опозданием. А ведь она даже не ест!

Елизавета Алексеевна (*смищённо Александру*). Кажется, все ждали нас.

Александр. Ну... не торопиться – была твоя идея.

В зал, запыхавшись, забегают слуга. Держит в руках накидку.

Слуга (*тяжело дыша*). Ваше Величество! Вы в кладовке забыли!

Протягивает Елизавете Алексеевне накидку. Елизавета Алексеевна краснеет.

Перекрутка.

Большой зал Малого дворца. Разгар вечера. Александра Фёдоровна стоит с младенцем на руках. Вокруг неё стоят Николай, Марьфёдорна, Константин, Александр. Все умиляются. Александра Фёдоровна передаёт младенца Марьфёдорне. Марьфёдорна передаёт Николаю. Николай передаёт Александру.

Александр (*тихо*). Слушай, только не надо мне сочувствовать!

Николай. С чего ты взял?

Александр. Ты всё время отдаёшь мне своего ребёнка, потому что знаешь, что у меня не может быть детей. (*Улыбается.*) Смотри... а то ведь я его и правда заберу.

Отдаёт Елизавете Алексеевне. Елизавета Алексеевна передаёт ребёнка Анне Павловне. Анна Павловна отдаёт Михаилу Павловичу. Михаил Павлович умиляется и уносит ребёнка.

Александра Фёдоровна (*шёпотом*). Ох, Елизавета Алексеевна, у вас платье не до конца застёгнуто, так надо?

Константин. И на шее засос. И ещё... кхм... ниже шеи.

Елизавета Алексеевна (*с ехидной улыбкой*). Правда? Спасибо! Вам, наверное, интересно, откуда он? Иначе бы вы не делали этого замечания. Так я скажу. Мы с вашим братом только что делали вот то самое... в кладовке!

Уходит.

Александра Фёдоровна (*в ужасе*). Она ведь пошутила, да? В противном случае, я была бы вынуждена подумать, что она сумасшедшая... говорить ТАКОЕ!

Константин (*качая головой*). Ну вот, вы тоже это замечаете? Я всё время ей это говорю... (*Задумчиво.*) Она сказала «с братом». Я надеюсь, с тем, который император, а не с тем, который только что спрятал младенца в цветочный горшок.

Перекрутка.

Александр и Елизавета Алексеевна танцуют.

Александр. Вот что меня возмущает. С одной стороны, вы требуете равенства мнений и прав, с другой стороны хотите оставить себе все привилегии! То есть получается, что мне быть мужчиной всё равно менее выгодно!

Елизавета Алексеевна. Вам некуда деваться. Я не буду вести вас в танце.

Перекрутка.

Александра Фёдоровна сидит рядом с Марьфёдорной.

Александра Фёдоровна. Ах, тапан, не могу не заметить, что Елизавета Алексеевна и Александр Павлович удивительно гармонично смотрятся вместе! Я знаю их не так много, но мне кажется, они подходят друг другу во всём! Даже в некоторых странностях...

Марьфёдорна. Не могу не согласиться с этим, дитя моё! Разница между ними лишь в том, что Саша – ангел, а она – нет. Но она наконец-то начала под него подстраиваться.

Сцена 18

Поздний вечер. Малый зал Малого дворца.

Полумрак. Возле разожжённого камина сидят Марьфёдорна, Константин, Александр, Михаил Павлович и Анна Павловна. Елизавета Алексеевна в уголке укачивает младенца. Екатерина Нелидова играет в шахматы с Николаем. На коленях у Константина сидит Фру-Фру.

Михаил. А сколько лет вообще этой собаке? Я сколько себя помню, она всё время где-то тут...

Константин. Это Фру-Фру Вторая. Это дочь Фру-Фру. Её матушка скончалась пять лет назад. Точнее, как скончалась... она просто однажды исчезла. И я подумал: хорошо бы, если бы и с людьми так было. То есть они не умирали в муках, доставляя страдания и себе, и другим, а просто исчезали, когда приходит время.

Александр (*задумчиво*). Какая глубокая мысль.

Константин. Миша, если я умру раньше Фру-Фру Второй, я завещаю её тебе. Как завещал мне Фру-Фру Первую отец. По наследству собаки в нашей семье переходят к младшим братьям.

Михаил. Я согласен... но если уж мы заговорили о наследстве, то меня беспокоит один вопрос. (*Смотрит на братьев.*) Я тоже облысею к сорока годам?

Марьфёдорна (*осуждающе*). Михаил, ну как можно такое говорить своим братьям! Это нехорошо.

Михаил. А что? Я честно спросил! От собаки я бы ещё мог отказаться, а от лысины – нет...

Константин. И правда, матушка, а в каком возрасте начал лысеть отец?

Марьфёдорна. Господи, ну откуда я знаю! Он же всегда носил парик! С самого детства!

Александр. И что? Я вот практически не носил его. И всё равно облысел. Думаю, с этим ничего нельзя сделать.

Михаил. Матушка, но вы ведь не облысели от того, что носили парик?

Марьфёдорна (*с возмущением*). Что за тему для разговора вы выбрали, молодые люди, ей-богу!

Перекрутка.

Глубокая ночь. Всё та же гостиная. В кресле у догорающего камина сидит Марьфёдорна. Заходит Александр.

Александр (*удивлённо*). Матушка, вы не спите?

Марьфёдорна. Да вот... никак не уснуть.

Александр садится напротив. Смотрит на камин.

Александр. Можно тут с вами посидеть?

Марьфёдорна. Отчего же нельзя, Саша? Сиди, конечно. Давно мы не сидели вдвоём.

Александр. Сегодня был прекрасный вечер. Даже Елизавета Алексеевна выразила своё восхищение. Она сказала, что он напомнил ей екатерининские времена.

Марьфёдорна (*задумчиво*). Да, я всегда мечтала походить на свою свекровь. Хоть было нам от неё много горя, я переняла у неё многое. Правда, поняла не всё...

Александр молчит.

Марьфёдорна. Мы вот посмеялись сегодня. Это хорошо. А всё же нелегко, когда ты всё время чего-то не понимаешь. Или кого-то. Но я старалась. Может быть, слишком старалась. И перестаралась...

Александр (*взволнованно*). Матушка, я знаю, что вам было тяжело. Хоть вы никогда ни на что не жалуетесь... А вот скажите... А вы отцу изменяли?

Марьфёдорна вздрагивает. Удивлённо смотрит на Александра.

Александр. Только честно. Теперь ведь можно. Мне – можно. Я далёк от образцовой семейной жизни.

Марьфёдорна (*тихо*). Почему ты об этом спросил? Откуда у тебя такая... информация?

Александр. Интуиция. То есть я не в смысле, что его все обманывают по жизни... я в другом смысле.

Марьфёдорна (*вздыхая*). Ну... теперь-то уж что... Да. Один раз. Но в своё оправдание, которого у меня нет, я скажу, что он не разговаривал со мной перед этим почти целый год. И даже не писал. Я вообще-то в порыве отчаянья собиралась отравиться, но... Екатерина Ивановна меня отговорила.

Александр. А отец знал?

Марьфёдорна. Думаю, он догадывался. Но наверняка не знал. Мы никогда это не обсуждали. Я хотела ему признаться, но и тут Екатерина Ивановна меня удержала. Сказала, что если я не хочу стать виновницей массового кровопролития и одного самоубийства, то лучше молчать.

Александр. Я вас несколько не осуждаю.

Марьфёдорна. Хуже всего то, что я и сама себя не осуждаю. Хотя очень старалась.

Александр (*с любопытством*). А с кем изменили? Я его знаю?

Марьфедорна (*зевая*). Ну хватит! Спать пора...

Встаёт и идёт к двери.

Александр (*вдогонку*). Матушка, но ведь все мои братья и сёстры – мои братья и сёстры?

Марьфёдорна. Конечно!

Уходит.

Александр. Просто я уже ничему не удивляюсь...

Марьфёдорна (*заглядывая в дверь*). Только никому не говори! И особенно Елизавете Алексеевне!

===== СЕЗОН 4 Сцена 19 =====

Дополнительно действующие лица:

Граф Никита Иванович Панин – русский дипломат и государственный деятель, наставник великого князя Павла Петровича, глава русской внешней политики в первой половине правления Екатерины II. Автор одного из первых в России конституционных проектов.

Семён Андреевич Порошин – русский публицист, мемуарист, писатель, один из воспитателей цесаревича Павла Петровича

Густав III – король Швеции

Сцена 19

Михайловский замок.

Тайная комната Михайловского замка. Александр стучит в дверь.

Голос Павла из-за двери. Входи. Открыто.

Александр заходит в комнату. Павел сидит в кресле, закрыв лицо руками. Александр замирает в нерешительности.

Александр. Отец, что-то случилось? Или вы просто... грустите?

Павел молча показывает ему на письмо на столе. Александр берёт письмо.

Текст письма:

«Павлушка, возвращаю тебе твои реликвии. Мне они более ни к чему. Знай, что я всегда преданно любил тебя более всего на свете. Саша».

Александр переводит взгляд на стол. На столе лежит Орден Чёрного Орла и инкрустированная драгоценными камнями шпага.

Павел (тихо). Куракин умер.

Александр роняет письмо. Быстро поднимает. Садится рядом.

Павел. У меня не было никого ближе него... я только теперь это понял. Я не помню, успел ли я сказать ему, как много он для меня значит?

Александр. Я уверен, он всегда это знал.

Павел плачет, закрыв лицо руками. Александр обнимает его.

Перекрутка.

Час спустя. Павел сидит за столом. На столе расставлены блюда с пирогами. Заходит Александр. Ставит на стол ещё один пирог.

Александр. А вот этот я сам готовил. С жареной картошкой.

Павел. Спасибо, Саша. Но сейчас мне совсем не хочется пирогов.

Александр. А чего хотите? Как мне вас отвлечь? И самому отвлечься заодно... Ведь дядя Саша был мне как отец... (*Быстро.*) В смысле, второй после вас. Запасной.

Павел. Давай просто поговорим о нём.

Александр садится рядом.

Александр. Когда он умер?

Павел. Вчера.

Александр. Но письмо датировано неделю назад.

Павел. Ну ты же знаешь, что у нас, у масонов, это всё по расписанию. Умер вчера, а письмо прислал и вещи заранее. Подготовился.

Александр. Действительно. Я забыл... Нужно будет заняться перевозом его тела в Россию из-за границы.

Павел. Знаешь, я никогда не мог понять... почему он так привязан ко мне? В смысле, что ему с меня? Деньги? Так я сам долгое время у него занимал. Рассчитывал на повышение по службе по моему воцарению? Так он мог этого вообще не дожидаться. Никаких гарантий. Одни издержки. Характер у меня, сам знаешь... не сахар. И зачем я ему сдался?

Александр (*отводя глаза*). Ну вот так он, стало быть, был к вам привязан... да.

Павел. Я всегда говорил, что умру раньше него. Теперь мне даже как-то неловко.

Перекрутка.

1763 год.

Царское село. Покои маленького, но великого князя Павла Петровича. Маленький Павел сидит за столом, пишет. Заходит граф Панин. Ведёт за руку мальчика.

Панин. Вот, Ваше Высочество... извольте познакомиться. Мой племянник, Александр Борисович. Будет теперь вам напарником по учению и играм.

Уходит. Павел поднимает голову. Смотрит на Куракина. Маленький Куракин смотрит на Павла.

Маленький Павел (*серьёзно*). Здравствуйте. У вас ко мне какое-то дело?

Маленький Куракин пожимает плечами.

Маленький Павел. Отлично. Тогда зачем вы тут изволите стоять?

Маленький Куракин. Дядя Никита Иванович сказал, что нам надо стать друзьями, потому что я такой же, как вы.

Маленький Павел. Такой же, как я?

Слезает со скамьи, подходит Куракину.

Маленький Павел. Сколько вам лет?

Маленький Куракин. Почти одиннадцать.

Павел (*презрительно*). Вы выглядите младше. Так знайте! Мне не нужны друзья. И таких, как я, более нет. Вы знаете, кто я?

Куракин. Ага. Вы – великий князь Павел Петрович.

Павел (*с гордостью*). Я наследник престола! Если вы знаете ещё одного такого, как я, можете идти и дружить с ним. А я занят!

Возвращается за стол. Куракин подходит к столу и садится рядом. Подпирает щеку рукой. Смотрит на Павла.

Куракин. А чем?
Перекрутка.

Комната воспитателя Семёна Порошина. Маленький Павел тянет за руку Семёна Порошина.

Павел (*капризно*). Уберите его! Я не хочу, чтобы он был в моих комнатах!!!
Порошин. Но почему, Ваше Высочество? Чем вам Александр Борисович не угодил?
Павел (*упрямо*). Он маленький и глупый! Он меня не слушается!
Порошин. Ну-ну, вам надо больше общаться с такими же, как вы... с другими детьми.
Павел (*капризно*). Не хочу! Не хочу! Ненавижу детей! Они все глупые!

Начинает реветь.

Порошин (*строго*). Ваше Высочество, как не стыдно! Вы знаете, со мной этот номер не пройдёт. Упрекаете князя Куракина, что он маленький, а сами хнычете, как малое дитя, если вам что не по нраву! Нехорошо.

Павел (*перестает реветь*). И что мне с ним делать?

Порошин. Поиграйте.

Павел. Во что? Он ничего не знает.

Порошин (*кладёт руки ему на плечи*). Вот вам задача: придумайте, во что, и его научите. Если он глупее вас, стало быть, вы должны ему покровительствовать... ведь вы должны заботиться о своих подданных.

Павел (*недовольно ворча*). Вот так всегда... мало мне дел. Ну ладно, так уж и быть. Я подумаю, чем можно ему помочь.

Уходит. Порошин смотрит ему вслед и улыбается.

Перекрутка.

Месяц спустя. Коридоры Екатерининского дворца. Екатерина и граф Панин идут по коридору.

Екатерина. Как проходит обучение Павла Петровича?

Панин (*уверенно*). Он обнаруживает поразительные умственные дарования...

Двери зала распахиваются. Мимо по коридору, едва не снеся Екатерину, с воплями и криками проносятся Куракин и Павел, завёрнутые в простыни.

Екатерина. Господи, это что такое?!

Панин (*смущённо*). А это мой племянник... они учатся вместе.

Екатерина (*недовольно*). Чему учатся? Двери сносить?

Голос Павла (*радостный*). Мы привидения!

Перекрутка.

Год спустя.

Коридоры Екатерининского дворца. Екатерина и граф Панин идут по коридору.

Екатерина. Ну что, как успехи Павла Петровича?

Панин. Очень хорошие, Ваше Величество! Он скоро будет умнее меня...

Двери распахиваются. В коридор забегают Павел и Куракин с игрушечными шпагами. Едва не сносят Екатерину.

Павел (*радостно*). Мы мушкетёры!

Год спустя.

Коридоры Екатерининского дворца. Екатерина и граф Панин идут по коридору.

Панин. Не хотите ли узнать, как успехи Павла Петровича?

Екатерина (*недовольно*). От него столько шума! Этот ребёнок совершенно не может сидеть спокойно! Меня это беспокоит.

Панин. Понимаю ваше волнение о его наклонностях. Но я уверен, жизнь сгладит это с годами.

Екатерина. Нет, я о том, что меня беспокоит его шум! Он мне мешает работать... и жить!

Двери распахиваются. В коридор с грохотом забегают Павел и Куракин в доспехах с мечами. Размахивают крестами. Едва не сносят Екатерину.

Павел (*радостно*). Мы – рыцари мальтийского ордена!

Екатерина (*строго*). Никита Иванович, нам с вами надо поговорить.

Перекрутка.

Кабинет Екатерины.

Екатерина сидит за столом. Напротив стоят граф Панин и Семён Порошин.

Екатерина (*строго*). Мне не нравится, что мой сын всё время проводит с вашим племянником! Он плохо на него влияет.

Панин (*с улыбкой*). Зато Павел Петрович на него влияет хорошо...

Екатерина. Два уже взрослых мальчика, им пора другие интересы иметь, а не в рыцарей играть. Я слышала, что они поссорились из-за девочки. Я ожидала увидеть моего сына с ней, а не с Куракиным.

Порошин и Панин переглядываются.

Панин. Ну... мужская дружба победила...

Екатерина. Мужская? Что в ней мужского? Они хоть дерутся?

Порошин (*смуцённо*). Ну, Павел Петрович периодически шпыняет князя... то ущипнёт, то дёрнет за волосы, а бывает, что и шуткой какой доведёт до слёз...

Екатерина (*повелительно*). Я не хочу, чтобы они больше общались. Найдите Павлу Петровичу другого друга.

Перекрутка.

Покои Павла. Двое слуг на руках выносят рыдающего Куракина. Куракин цепляется за двери.

Куракин. Павлушка!!! Я тебе напишу!

Двое слуг за руки удерживают рыдающего Павла.

Павел. Саша-а-а!!! А-а-а-а-а!!! Отпустите!!! Я всем им прикажу головы поотрывать!!! Как только стану императором! А-а-а-а-а-а-а!!!

Перекрутка.

Ночь.

Покои Павла. В комнату заходит Семён Порошин. Оглядывается. Быстро кладёт письмо под подушку Павлу.

Перекрутка.

Сад.

Екатерина, граф Панин, Порошин и Павел гуляют. Порошин незаметно засовывает в карман Павла письмо.

Перекрутка.

Ночь.

Покои Павла. Павел спит поперёк кровати, завернувшись в простыни. Заходит Екатерина. Присаживается на кровать. Смотрит на него. Вздыхает. Видит уголок бумаги из-под подушки. Вытаскивает письмо. Читает. В ужасе выбегает из комнаты.

Перекрутка.

Кабинет Екатерины.

Екатерина бежит по кабинету. Стоит Семён Порошин.

Екатерина (*в гневе*). Это что такое?! Это что за письма? Вы вообще читали, что они пишут друг другу?!

Порошин. Не приучен читать чужих писем, простите.

Екатерина (*в шоке*). Чужих? Это письма моего сына! Что они пишут друг другу? Так нельзя писать! Вот это: «Павлуша», «душа моя», «жизнь моя»?! Это... это что такое? Как он смеет такие письма цесаревичу писать?

Порошин. Князь Куракин по натуре чувствительный и нежный в обращении...

Екатерина. А вы? Вы, значит, у нас посредничаете в этой нежной дружбе? Вы уволены! А князя Куракина я завтра же велю выслать за границу! Он портит моего сына!

Порошин (*в отчаяньи*). Увольняйте меня, но не лишайте Павла друга!

Екатерина. Я разрешу ему завести ещё одну собачку!

Порошин. Ему нужны тепло и человеческая ласка!

Екатерина (*вне себя*). Так найдите ему девочку!!!

Порошин. Ему двенадцать лет, какая девочка? Что вы говорите?

Екатерина. Вон!

Выгоняет Порошина.

Перекрутка.

Куракин с чемоданами садится в карету. Прощается с графом Паниным.

Панин. Эх ты, хитрее надо было быть! А не вываливать всю душу на бумагу!

Обнимает племянника. На балконе стоит грустный Павел. Куракин поднимает голову и машет ему рукой. Павел машет рукой в ответ.

Куракин. Я вернусь, Павлушка! Не скучай!

Садится в карету. Уезжает.

Перекрутка.

1776 год. Царское село.

Покои Павла. Павел лежит на кровати. Смотрит в потолок. Заходит Екатерина.

Екатерина. Значит, так. Чтобы утешить твоё разбитое твоей глупой женой и ещё более глупым другом сердце, я пошла на крайние меры... только попробуй и дальше тут киснуть и отказываться жениться во второй раз!

Отходит в сторону. В комнату заходит молодой Куракин.

Павел (*вскакивая с постели*). Саша!!! Ты вернулся!!!

Куракин. Павлушка!!!

Бросаются обниматься.

Перекрутка.

Коридоры Екатерининского дворца.

Екатерина идёт по коридору. Рядом с Екатериной идёт посол Пруссии.

Екатерина. Итак, отрекомендуйте цесаревича с лучшей стороны как жениха.

Двери распахиваются. В коридор выбегают Павел и Куракин в длинных мантиях и капюшонах. В руках – шпаги.

Павел (*радостно*). Мы масоны!!!

Убегают.

Екатерина (*послу*). Вы этого не видели.

Перекрутка.

Берлин. 1776 год. Дворец короля Фридриха.

Ночь. Покои Павла. Павел и Куракин лежат рядом на кровати. Курят одну трубку.

Павел. Хочешь, я расскажу тебе такое, о чём никому не рассказывал? (*Взволнованно.*) Я вижу мёртвых! Я видел своего прадедушку, Петра Великого!

Куракин (*взволнованно*). Вот это да!!! И что он тебе сказал?

Павел (*помолчав*). Что я умру молодым.

Куракин. Ерунда! Что ещё может сказать мертвец? Не бери в голову.

Павел. Я и так это всегда знал. Когда я умру, ты будешь обо мне плакать?

Куракин. Нет. Потому что я умру раньше тебя.

Павел. Нет! Я раньше!

Куракин. Нет, я!!!

Павел (*обиженно отбирая трубку*). Ну и пожалуйста!

Перекрутка.

1776 год, ночь. Дорога из Берлина в Петербург.

Болото. Карета. Марьфёдорна спит сидя, прислонившись к окну. Павел лежит головой у неё на коленях. На противоположном сидении лежит Куракин.

Куракин и Павел не спят. Смотрят друг на друга.

Павел (*шёпотом*). Когда у меня родится ребёнок, я назову его Александром. Как тебя.

Куракин (*шёпотом*). А если девочка?

Павел. Тогда Александрой.

Куракин улыбается.

Павел. А когда ты женишься и у тебя родится ребёнок, ты назовёшь мальчика, как меня?

Куракин. Нет. Потому что я не женюсь.

Павел. Почему?

Куракин (*вздыхает*). Не судьба...

Павел (*недовольно*). Вечно ты мне всю историю портишь...

Перекрутка.

1783 год. Санкт–Петербург, Зимний дворец.

Кабинет императрицы. Екатерина проверяет финансовые счета. Павел стоит возле стола.

Екатерина (*недовольно*). И ты мне хочешь сказать, что это всё себе купила... **Марьфёдорна?**

Павел (*смущённо*). Ну да...

Екатерина. И инкрустированный бриллиантами плащ с мальтийским крестом? И четырнадцать пар бархатных сапог?! И вот это... «двадцать бутылок марочного древнегреческого вина» – выпила Марьфёдорна?!

Павел (*совсем смущённо*). Ну... матушка, ну а что... Почему бы Марьфёдорне и не выпить вина...

Екатерина. Двадцать бутылок на пятом месяце беременности?!

Павел молчит.

Екатерина (*тяжело вздыхая*). Значит, опять Куракин... ты хоть себе купил что-нибудь?

Павел. Я себе – нет. Вы же знаете, что мне ничего не надо. Но Марьфёдорна, Екатерина Ивановна и Саша мне точно что-то купили... но я ещё не смотрел.

Екатерина. Ага. Горазд Куракин делать тебе подарки за твой счёт! (*Недовольно.*) А вообще, за мой!

Павел. Ну-у-у... вы же мне подарков не делаете...

Екатерина. Я не делаю?! Всё, давай иди отсюда!

Павел уходит.

Екатерина (*рука-лицо*). Меня не станет, они же по миру всей Россией пойдут...

Перекрутка.

1784 год. Санкт-Петербург.

Ночь. Осень. День рождения Павла. Павел и Куракин, замотанные в плащи, идут по улице. Светит луна. Заходят в старинный особняк на окраине города. В окнах особняка горит свет. Видны силуэты людей.

Куракин. Нет, нам в подвал. Ниже.

Спускаются по лестнице в подвал.

Подвал. В подвале горят свечи.

В центре подвала, в кругу, сидят люди в мантиях и капюшонах.

В центре стоит король Густав III.

Павел (*в шоке*). Ты привёл меня на собрание... братства?

Куракин. Да. Ведь ты мне как брат. Больше, чем брат.

Густав III. Князь, по рекомендациям нашего брата Куракина, мы готовы посвятить вас в таинство франкмасонства. Хотите стать масоном?

Павел (*со слезами на глазах*). Хочу ли? Саша, это самый лучший подарок, который я получал за всю свою жизнь! Неужели ты считаешь меня самым достойным для этой роли?

Куракин. Не знаю. Нам сказали, что мы можем привести и рекомендовать того, за кого нам не стыдно бы было умереть.

Павел. Ты знаешь дату своей смерти?

Куракин. Ага. И ты свою будешь знать.

Павел. А ты мне расскажешь свою?

Куракин. Нет. Не положено. Никому нельзя рассказывать дату своей смерти (*Вздыхает.*) Но я всё равно умру раньше тебя.

Павел. Нет, я раньше!!!

Масоны (*рука-лицо*). Вот все они, новички, так поначалу...

Перекрутка.

Михайловский замок. Тайная комната Михайловского замка.

Павел доедает пирог.

Павел. С жареной картошкой очень вкусный, кстати. Молодец. Новый рецепт придумал.

Александр. Значит, Куракин посвятил вас в масоны...

Павел. Посвятил король Густав. А Саша привёл, да. Это был важнейший день в моей жизни. А после мы с Куракиным поклялись на крови друг друга всегда любить... (*Задумчиво.*) Вообще, странная формулировка клятвы, конечно. Ну да ладно.

Александр. Отец, я сейчас скажу вам нечто, что вас шокирует. Я знаю, что вы думали, что с вами этого не произойдёт, но... (*Вздыхает.*) Куракин был вашим фаворитом.

Павел. Нет, это не так... Александр Борисович был мне другом...

Александр. Нет, другом вам была Екатерина Ивановна. А Куракин получал и принимал от вас чины, бриллианты и прочие дарования, несообразные его реальным природным способностям и заслугам на государственной службе. Получал по той причине, что обладал иными способностями, удовлетворявшими ваши душевные порывы. Он вас любил. И в этой службе ему не было равных. Так что он был вашим самым фаворитным фаворитом. Он был вашим графом Орловым и Потёмкиным...

Павел (*недовольно*). Ты сам понял, что сказал?

Александр. Вы на него за один месяц денег потратили больше, чем бабушка на князя Потёмкина за год! Но вы себя не упрекайте. Вы впитали в себя корни её образа жизни, и они проросли в вас, хоть вы их выдёргивали и не поливали.

Павел (*недовольно*). Всё... отстань.

Александр. Правду. (*С гордостью.*) А вот у меня нет фаворитов! (*С грустью.*) У меня даже фаворитов нет... я никому бриллиантов и имений не дарил просто так.

Павел (*доедая последний кусок пирога*). Ну-у-у... это потому, что ты жадина.

Перекрутка.

Поздний вечер. Александр и Павел пишут при свечах. Александр разминает затёкшие пальцы.

Александр. Честно говоря, я уже не уверен, что всё это нужно. Что это решение будет правильным.

Павел. Правильного решения нет. Пойми одну вещь: что бы ты ни делал – давал свободу или отбирал, проводил реформы или не проводил, – для них ты всё равно будешь пастухом. Добрым, злым – не так важно. Сам факт твоего существования противоречит провозглашаемым тобой принципам. Пока ты жив – ты символ власти. А любая власть самое по себе есть насилие. И пусть формы этого насилия разнятся, суть их остаётся неизменной. Поверь, я с разных сторон это обдумывал. Даже математически проверял. Всё одно выходит.

Александр молчит и смотрит на Павла.

Александр. То есть... всё, что мы тут с вами делали... не имеет смысла?

Павел. Ну почему? Я же не говорю, что нельзя сделать ничего хорошего. Просто хорошее быстро забудут, а вот твои ошибки буду помнить. Посмотри на меня: разве ж я более всех не желал делать добро?

Александр (*медленно*). Вы правы... вы сейчас сказали такую вещь... мне нужно подумать.

Встаёт.

Павел. Чуть не забыл... Обязательно поезжай в Вюртемберг. К Кате. И мать захвати.

Александр (*недоумённо*). Сейчас? Зачем?

Павел. Поезжай. Не спрашивай, почему.

Александр. Вы никогда не отвечаете ни на один мой вопрос! Сплошные у вас загадки! После разговоров с вами я... я с ума начинаю сходить!

Павел. Спрашивай. Я отвечу.

Александр. Вы, как масон, стало быть, тоже знаете дату своей смерти?

Павел. Конечно.

Александр. Не скажете, когда?

Павел. Вот почему тебя не берут в масоны, Саша! Ты всё пропускаешь мимо своих глухих ушей! Я же тебе объяснял, что нам запрещено это рассказывать!

Александр (*задумчиво*). А я бы... я бы не хотел знать дату своей смерти.

Павел. Зато нам можно рассказывать про даты смерти других. Но так, в завуалированной форме. (*Задумчиво.*) После того, как я стал императором, я был у монаха-ясновидящего Авеля. Я пришёл к нему, чтоб проверить, кто из нас знает больше. Я долго откладывал этот визит. Я чувствовал, что он знает больше меня. И вот я к нему пришёл и спросил: сколько мне осталось жить? И он ответил: месяц! Я так разозлился, это ужас. Месяц! Всю жизнь к нему собирался... Знал бы, пришёл пораньше. Я сказал, что он дурак. И что я масон и сам знаю, когда мне умирать.

Александр. Получается, он ошибся.

Павел. Ну, получается, не совсем. Ведь я для всех умер. Но главное, мы сопоставили свои расчёты и вывели единый пророческий прогноз нашей семьи на сто лет вперёд.

Александр. Правда?! И что будет?

Павел. Это секретная информация. Не могу сказать.

Александр (*в сердцах*). Да ну вас!

Уходит. Павел смотрит в угол комнаты. В углу комнаты, на стуле, с бокалом вина сидит Пётр III.

Пётр. Не скажешь ему, значит?

Павел (*грустно*). Что? Что я скоро умру? Нет. У него и без того скоро будет много поводов для расстройства...

===== СЕЗОН 4 Сцены 20–21–22 =====

Сцена 20

Королевство Вюртемберг. Штутгарт.

Дворец короля Вильгельма Вюртембергского.

Поздний вечер. Александр, Марьфёдорна, Елизавета Алексеевна и Константин поднимаются по ступеням дворца. Идёт дождь.

Марьфёдорна. Не слишком ли поздно мы идём с визитом? Не понимаю, отчего такая спешка, Саша?

Константин (*недовольно*). Да, я не понимаю, зачем было всей толпой ехать в Европу, чтобы забирать останки Куракина? То есть я, конечно, к нему с большой симпатией, но... это вообще другие люди делать должны.

Александр. Отец сказал, надо навестить Катю. Срочно.

Все молча переглядываются. Заходят во дворец.

Перекрутка.

Парадный зал дворца.

Александр, Константин, Елизавета Алексеевна, Марьфёдорна входят в зал. Навстречу им выходит король Вильгельм.

Вильгельм (*растерянно*). Но как же так? Я ведь письмо в Санкт-Петербург отправил лишь полчаса назад! А вы все здесь уже...

Марьфёдорна. Что за письмо, племянник? И почему нас Катя не встречает?

Вильгельм опускается на колени, закрывает лицо руками. Плачет.

Вильгельм. Простите... простите, тётушка... не уберёг её... не уберёг!

Марьфёдорна бежит вперёд, в следующий зал. За ней бегут все остальные.

Перекрутка.

Малый зал. Горят свечи. В центре зала на кровати лежит Екатерина Павловна в белых одеждах. Вокруг неё врачи, священники, слуги. Подданные подходят по очереди к кровати, целуют руку и кладут цветы. Александр расталкивает всех. Бежит к кровати. Падает на колени перед кроватью.

Александр (*в отчаянии*). Нет! Только не это! Только не ты! Пусть кто угодно... пусть...

Екатерина открывает глаза. Смотрит на брата. Улыбается.

Екатерина. Саша, не надо такое говорить. У каждого свой срок. Но как я рада, что ты успел приехать, и перед смертью я тебя увижу. И матушку... и Костю... И даже Елизавете Алексеевне я рада.

Все встают вокруг кровати. Марьфёдорна плачет, Константин плачет. Александр не плачет. Берёт Екатерину за руку. Прижимает к груди.

Екатерина. Я каждому хочу сказать. Последнее слово. Матушка... живите и наслаждайтесь жизнью для себя. Вы слишком много заботитесь о других. Оставьте заботы! Мы все уже взрослые и можем сами о себе позаботиться. Костя, тебя все очень любят. Оставайся таким, какой ты есть, и просто будь рядом. С тобой всё хорошо. Елизавета Алексеевна...

Елизавета Алексеевна неуверенно поднимает глаза.

Екатерина. ... пользуйтесь косметикой. В ваши годы природной красоты и совершенства души уже недостаточно. И ещё пользуйтесь моим подарком. И моим братом. Можете их чередовать. В общем, пользуйтесь всем, что даёт вам судьба. Она ведь может и отобрать... Саша...

Смотрит на Александра. Сжимает его руку.

Екатерина. Тебя я любила больше всех. Ты и сам это знаешь. Я всегда хотела быть такой, как ты.

Александр. А я тебя любил больше всех... И всегда хотел быть такой, как ты! Ты первая, перед кем я не побоялся быть собой. Первая, кому я открылся, не боясь быть осмеянным и отвергнутым.

Екатерина. У тебя и так всё хорошо. Будь собой. И будь с Елизаветой Алексеевной. Она дура редкостная, но, во-первых, она тебя никогда не предаст, во-вторых, другую искать уже поздно.

Смотрит на всех. Улыбается.

Екатерина. Я передам от нас привет папе.

Закрывает глаза. Умирает. Александр падает в обморок.

Сцена 21

Россия. Санкт-Петербург.

Идёт дождь. Едет чёрная карета. В карете сидят Константин, Елизавета Алексеевна, Марьфёдорна, Александр. Все в чёрном. Позади едет траурная повозка с гробом Куракина. Все молчат.

Марьфёдорна (*дрожащим голосом*). Какая Катенька наша хорошая, добрая... что запретила нам её оплакивать.

Константин (*хмуро*). Ага. У меня словно камень в горле застрял теперь. Хочу плакать, а нельзя. Это какой-то садизм.

Елизавета Алексеевна. Можно оплакивать Куракина. У него такого запрета нет.

Константин. Точно! Будем плакать по нему.

Александр молча смотрит в окно.

Перекрутка.

Карета резко останавливается посреди улицы.

Кучер. Эх, колесо отвалилось... Вылезьте.

Константин (*бурча*). Колесо отвалилось! Был бы отец, он бы это колесо тебе знаешь, куда засунул? Будь я на десять лет моложе, я бы тебе его туда же засунул... Императора везёт, а у него колесо отвалилось, и он в ус не дует, охламон!

Марьфёдорна. В последнее время кучеры совсем распоясались, я заметила! Надо что-то с этим делать.

Вылезают из кареты. Отходят на тротуар. Раскрывают зонты. Мимо проезжают экипажи, идут люди.

Марьфёдорна. У меня странное чувство... как будто что-то не так. Чего-то не хватает.

Константин. Да... а где наша охрана?

Елизавета Алексеевна. Отстала, наверное...

Александр. Не отстала. Её не было. Я езжу без охраны.

Мимо на лошади проносится всадник. Поднимает фонтан брызг из лужи. Обдаёт Александра грязью. Константин, Марьфёдорна возмущённо кричат ему вслед. Всадник оборачивается. Встречается взглядом с Александром. Александр вздрагивает.

Александр. Это он... я узнал его! Этого всадника... Это Апокалипсис!

Константин. Кто?!

Александр (*взволнованно*). Тот молодой человек из зала! С вопросом о том, зачем я нужен. Это он! Он специально меня обрызгал!

Все переглядываются.

Марьфёдорна. Но, дорогой мой, это невозможно! Ты император! Он бы никогда не сделал такого специально! Это просто дождь и лужи. И его глупая лошадь! Он скакал так быстро, что вообще едва ли тебя разглядел.

Александр (*медленно*). Он хотел обрызгать меня. Но и на вас попало, потому что вы стояли рядом со мной! Но на вас не должно... Это я виноват... он хотел меня, а попало на вас..! Теперь я понял, что имел в виду отец, говоря, что я – угроза...

Убегает в дождь. Все испуганно смотрят ему вслед.

Марьфёдорна (*в отчаяньи*). Господи! Он же только вроде бы опять стал нормальным! У него сокращаются периоды просветлений!

Константин (*мрачно*). Да... плохо дело. Это смерть Кати его сильно потрясла. Придётся мне к вам во дворец опять перебираться.

Марьфёдорна. У тебя случайно нет никакого сбора на этот случай?

Константин. На этот случай у меня есть кое-что другое. Но это на крайний случай... Но кажется, скоро этот случай настанет.

Сцена 22

Аничков дворец. Пять утра.

Покои великой княгини Александры Фёдоровны. Николай и Александра Фёдоровна спят. Возле кровати стоит Александр.

Александр (*тихо*). Никола-а-ай, просыпа-а-айся...

Николай резко подскакивает. Просыпается. Видит Александра.

Николай (*в страхе*). Саша? Ты? Что случилось?

Александр. Мне нужно тебе сказать что-то важное.

Николай оглядывает его.

Николай. А почему ты весь грязный?

Александр. Меня обрызгал грязью из лужи всадник Апокалипсис.
Николай. Что?!

Александра Фёдоровна просыпается. Видит Александра. Взвизгивает и забирается под одеяло.

Александр (*вежливо*). Простите, Александра Фёдоровна, что я к вам в спальню зашёл ночью без приглашения. Я обычно так не делаю. Обычно женщины ко мне вламываются. Но сегодня особенный случай. Впрочем, хорошо, что вы проснулись. У меня для вас двоих есть важное известие.

Николай молчит. Обнимает сидящую под одеялом Александру Фёдоровну.

Александр. Так как я бесплоден, а Константин ещё давно отказался, ты будешь императором после меня.

Николай. Что?!

Александр. Да. И не говори, что ты никогда об этом не думал. Вставай. Одевайся. Я жду тебя за дверью.

Николай. О господи..! Сейчас?! Сейчас надо?! Нет! Я не могу!!!

Забирается под одеяло рядом с Александрой Фёдоровной.

Александр. Не переживай. Не сейчас. Сейчас пока я ещё буду. Но мы прямо сейчас начнём готовиться.

Выходит.

Перекрутка.

5.30 утра. Зимний дворец.

Кабинет Александра. Темно. Александр зажигает свечи. Николай с несчастным видом сидит за столом.

Николай. А обязательно было сообщать мне это известие в такой час и сразу же начинать обучение?

Александр (*строго*). Мне сообщили, что я император, в два часа ночи. И у меня обучения не было вообще. То есть оно было. Но там всё совсем не так оказалось. Сказать по правде, если бы отец те четыре года не заставлял меня жить в дисциплине и тирании, я бы, наверное, через неделю не выдержал. Но тебе повезло.

Николай. Повезло?!

Александр. Я тебя подготовлю. Ты будешь готов ко всему. Ты будешь готов, к чему я не был готов.

Садится рядом с ним за стол.

Александр. Итак. Начнём с простого. Сколько иностранных языков ты знаешь?

Николай (*запинаясь*). Ну... несколько.

Александр. Хорошо. Это важно, чтобы ты понимал и принимал лично всех иностранных послов и министров. Потому что эти переводчики всё переведут так, как им надо. Понимаешь?

Николай кивает.

Перекрутка.

6.00. Кабинет Александра.

Николай сидит за столом. Александр ходит по кабинету.

Александр. Обязательно читай всё, что подписываешь.

Николай. Ну это понятно же.

Александр. Это понятно, когда у тебя одна-две бумажки на подпись. А когда тебе принесут стопку из ста пятидесяти листов, ты прочитаешь десятка два, а потом тебе надоест. Так знай: из ста пятидесяти бумаг на подпись сто сорок девять, может быть, и нужно подписать, ну а один засунуть кому-нибудь в глотку. Ну или ещё куда-нибудь...

Николай (*в шоке*). Ты так делал?!

Александр. Я – нет. А вот отец часто делал. И был прав. Пару раз так сделаешь, будут читать, что тебе пишут. Понимаешь?

Николай кивает.

Перекрутка.

6.30 утра. Николай сидит за столом. Александр разбирает шкафы. Достает бумаги, книги, пустые банки из-под варенья.

Александр. Сейчас тебе объясню, где что лежит.

Николай. Это я и так знаю. Я сам тут всё сортировал и раскладывал. Кроме варенья.

Александр (*недовольно*). Вот почему я не могу ничего найти... ладно. Если тебе попадется такая бумажка, с которой ты не знаешь, что делать и куда класть, то никогда её не выбрасывай. Может быть такое, что сейчас ты не знаешь, а потом она пригодится. Для неё у меня есть специальная папка. Называется «Папка для...» (*Роется.*) Где же она..?

Николай (*доставая папку*). Ты ищешь папку под названием «Бог знает, что здесь?»

Александр (*радостно*). Точно! Она. Я хотел назвать её неприличным словом, но всё же это документ, и может, кто его увидит. А так название отражает суть. Ибо пусть я не знаю, что там, но Бог-то точно всё знает...

Перекрутка.

Аничков дворец. Девять вечера. Покои Александры Фёдоровны.

Александра Фёдоровна и Николай. Николай с повязкой на лбу лежит на кровати.

Николай. Я не хочу! Я не буду! Я видел, что у него там, в шкафах... там всё вперемешку и заляпано вареньем! Я не хочу иметь с этим дело!

Александра Фёдоровна. Ах, мы так хорошо жили всё это время! Но всё же, может, и неплохо вам стать императором... Мне кажется, из вас выйдет хороший...

Николай (*мрачно*). Нет уж. Я на такое не пойду! Это был ужасный день! Он спросил меня, сколько языков я знаю. Я сказал, что несколько... А я... я знаю несколько, но все очень плохо! Я... я же ни одной книги до конца не прочёл! Я из них башни строил. Я же вообще... вот! (*Стучит себя по лбу.*) Я же не для этой роли воспитывался! Но я знаю... Знаю, что делать!

Когда императора не станет, дай Бог ему долгой жизни и трезвой памяти... если Константин отречётся, то я... я тоже отрекись! В пользу Михаила! А Михаилу уже отречься некуда будет. Потому что на нём все братья закончатся!

Радостно смотрит на жену.

Николай. Вот! Вот как я сделаю.

===== СЕЗОН 4 Сцены 23–24–25 =====

Сцена 23

Зимний дворец. 6.00 утра. Покои Елизаветы Алексеевны.

Елизавета Алексеевна просыпается от звука барабанной дроби. Укрывается одеялом с головой. К барабанам присоединяется тромбон.

Елизавета Алексеевна откидывает одеяло. Встаёт, надевает халат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.